

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА  
Кафедра уголовно-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Заведующий кафедрой

канд. юрид. наук, доцент,  
заслуженный юрист РФ

 В.И. Морозов

2023 г.

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА**

магистерская диссертация

ПОРЯДОК ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И  
ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Магистр права»

Выполнила работу  
студентка 2 курса  
очной формы обучения



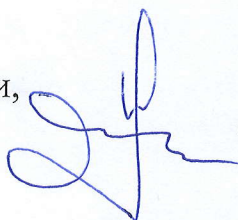
Сорокотяга Анастасия Павловна

Научный руководитель  
канд. юрид. наук,  
доцент



Хабарова Елена Анатольевна

Рецензент  
начальник  
гражданско-судебного отдела  
прокуратуры Тюменской области,  
старший советник юстиции



Соловьёва Анна Александровна

Тюмень  
2023

**ОГЛАВЛЕНИЕ**

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	6
1.1. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО.....	6
1.2. ПОНЯТИЕ ЗАДЕРЖАНИЯ.....	17
1.3. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ЗАДЕРЖАНИЯ.....	25
ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ, ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ЗАДЕРЖАНИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	31
2.1. УСЛОВИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ.....	34
2.2. ОСНОВАНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ.....	47
2.3. ПОРЯДОК И ПРОЦЕДУРА ЗАДЕРЖАНИЯ.....	52
ГЛАВА 3. МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	61
3.1. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ЗАДЕРЖАНИЯ.....	61
3.2. СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ И ОБОСНОВАННОСТЬЮ ЗАДЕРЖАНИЯ.....	72
3.3. ИНЫЕ ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ.....	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	85
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	89

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность исследования.** Тема исследования является актуальной, потому что задержание подозреваемого, несмотря на предусмотренные законодательством, в том числе конституционным, правила и гарантии, всё равно нередко сопровождается на практике нарушениями со стороны правоохранительных органов. Такие нарушения напрямую нарушают конституционные права гражданина на личную неприкосновенность и свободу, могут причинить вред его здоровью. Следовательно, является необходимым исследовать как теоретические, так и практические проблемы, которые сопровождают правовое регулирование задержания как института уголовно-процессуального права в России.

Актуальность исследования позволила определить тему **выпускной квалификационной работы:** «Порядок задержания подозреваемого: вопросы теории и практики правоприменения».

**Цель исследования:** комплексное исследование и анализ процессуального порядка производства задержания, выявление актуальных проблем процессуального характера производства задержания, на основе действующего законодательства, правоприменительной практики и материалов специальной литературы.

**Задачи исследования:**

1. изучить исторический аспект возникновения и развития института задержания подозреваемого в России;
2. изучить сущность и правовую природу задержания подозреваемого;
3. определить понятие «задержание», его цели и задачи;
4. исследовать и изучить условия и основания задержания;
5. охарактеризовать процессуальный порядок и процедуру задержания;
6. исследовать основные механизмы обеспечения законности и обоснованности задержания;

7. исследовать иные формы обеспечения законности и обоснованности задержания;

8. ознакомиться с правоприменительной практикой по данной теме.

**Объект исследования:** совокупность общественных отношений, которая складывается между лицами, участвующими в задержании подозреваемого, а также урегулированный законодательством процессуальный порядок задержания.

**Предмет исследования:** нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практика применения регламентирующие особенности производства задержания.

**Методы исследования:** общенаучные и частно-научные методы познания, в том числе, постановка проблемы, анализ, систематизация и обобщение нормативно-правовых документов и юридической литературы, системно-правовой, исторический, формально-юридический анализ.

**Нормативной основой исследования** являются Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации», Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пр.

**Теоретическую основу исследования** составили труды Гаврилова А.Н., Ефимичева С.П., Михайлова В.А., Журавлева В.Г., Гриненко А.В., Викторского С.И., Петрухина И.Л., Россинского С.Б., Смирнова А.В., Калиновского К.Б., Табакова С.А., Антоновича Е.К., Артамоновой Е.А., Великого Д.П. и других, в которых раскрывается сущность, особенности и порядок применения задержания в российском уголовном процессе.

**Теоретическая значимость исследования** заключается в рассмотрении истории становления института задержания, его понятия, порядка применения задержания, а также обжалования такового в Российской Федерации.

**Практическая значимость и научная новизна исследования** заключается в выявлении проблем, связанных с применением задержания как меры процессуального принуждения, выявления возможных рекомендаций по реформированию института.

**Структура данной работы** состоит из введения, трех глав по три параграфа каждый, заключения и библиографического списка.

По теме исследования опубликована научная статья «Проблемы неопределенности источника регулирования института «гражданского задержания». Статья опубликована в международном научном журнале «Молодой учёный» № 23 (418), июнь 2022.

В статье автор, затрагивая правовую природу права на неприкосновенность личности, обращается к проблеме гражданского задержания в части исчисления срока такого задержания, а равно включения в период уголовно-процессуального задержания периода захвата и доставления в рамках гражданского задержания.

## **Глава 1. СУЩНОСТЬ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

### **1.1. Исторический аспект возникновения и развития института задержания подозреваемого**

Полноценное развитие института задержания подозреваемого в качестве института уголовно-процессуального права берет свое начало в Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения императрицы Екатерины II, изданном 30 июля 1767 года [Тогулев, с. 9].

Наказ во многом содержит идеи Чезаре Беккариа из его труда «О преступлениях и наказаниях», Шарля де Монтескье из его труда «О духе законов», которыми Екатерина II восхищалась [Чезаре, с. 250].

В то же время, Наказ «представляет собой первую русско-законодательную попытку построить Уголовное уложение на твердых и единых началах теории» [Бернер, с. 258-259]. Эта позиция основана на том, что именно Наказ определил причины, достаточные для задержания и помещения человека в тюрьму, о чем писал и В.М. Толгуев в своем научном труде.

Разумеется, Наказ не является источником уголовно-процессуального права в его строгом смысле, однако, учитывая статус субъекта, издавшего Наказ, его значение для уголовного процесса можно сравнить с системообразующим актом, регулирующим основные начала и направления развития этой отрасли права.

С другой стороны, как справедливо отмечают Ю.Б. Чупилкин, Ф.А. Богацкий и А.К. Аверченко, зарождение института задержания подозреваемого необходимо искать не в его оформлении в качестве самостоятельной правовой конструкции, а в зачатках его регулирования. В связи с этим правоведы предлагают в качестве зарождения института задержания подозреваемого принимать само по себе появление в нормативно-правовых актах первых

признаков этого института: регулирование и закрепление терминов «лицо, находящееся под подозрением», «подозрение» и т.д., которые были закреплены еще в Кратком изображении судебных процессов и тяжб, изданном в 1715 году[Аверченко, с. 15].

Однако, следуя логике наших соотечественников, необходимо признать, что зарождение института задержания подозреваемого в российском праве произошло гораздо раньше, свидетельством чему может быть такой источник древнерусского права, как Русская правда.

Статья 38 Русской правды регулировала вопрос пределов вреда, причиняемого подозреваемому при его задержании[Янина, с. 49]. Согласно этой статье, если вор был пойман в темное время суток «на своем дворе, либо у клети, или у хлева», то его убийство не влекло для причинителя вреда ответственности. Если вор был удержан до рассвета, то задержавшее его лицо могло привести вора к княжему двору для предания вора суду[Чистякова, с. 67]. Но если вор был связан (обездвижен), чему имелись свидетели, то его убийство влекло наступление ответственности задержавшего лица в виде штрафа.

Конечно, буквальный анализ этих положений приводит к тому, что статья 38 Русской правды регулирует основания привлечения к уголовной ответственности лица, осуществившего задержание подозреваемого. Но с учетом того, что во время действия Русской правды отсутствовали как таковые органы предварительного расследования, государство не имело формализованных механизмов уголовного преследования, следует отметить, что данная норма, помимо регулирования оснований привлечения к уголовной ответственности, также устанавливала абстрактные пределы действий лиц при задержании подозреваемого.

К таким пределам могут быть отнесены: повод для задержания в виде совершения подозреваемым действий, связанных с посягательством на чужую собственность; возможность задержавшего захватить подозреваемого, удерживать его «до рассвета», а затем доставить его к княжему двору для суда. Иными словами, в лице членов общества Древней Руси государство

осуществляло уголовное преследование, в рамках которого получил свое начало институт задержания подозреваемого.

В дальнейшем, институт задержания проявился также в Псковской судной грамоте 1462 года. В статье 64 Псковской судной грамоты предусматривалось появление фигуры приставов, которым должен был быть сдан задержанный подозреваемый. Приставы обладали полномочиями «сковать» задержанное лицо, а также «расковать» его [Чистякова, с. 337-338].

Иными словами, институт задержания подозреваемого начал развиваться еще в период Древней Руси, получив закрепление своей сущности в Русской Правде, а также в Псковской судной грамоте.

В то же время, анализ этих источников позволяет отметить не только концептуальность положений о задержании, но и отсутствие ряда существенных признаков, присущих институту задержания подозреваемого.

Так, например, И.А. Ретюнских отмечает, что ни Русская правда, ни Псковская судная грамота не предусматривали фиксацию факта задержания лица ни в документальном, ни в каком-либо ином виде [Ретюнских, с. 13-15].

Само по себе отсутствие такого механизма может показаться незначительным, однако задержание подозреваемого, являясь институтом уголовно-процессуального права, является не просто мерой пресечения, но и формализованной гарантией соблюдения прав и свобод личности. Документальная фиксация задержания обеспечивает возможность обжалования задержания, возможность привлечения к ответственности лица, задержавшего подозреваемого.

В связи с этим дальнейший исторический анализ становления и развития института задержания подозреваемого проводится в особом внимании к закреплению норм-гарантий прав и свобод задержанных лиц.

Продолжая историческое исследование института задержания подозреваемого, обратимся к Судебнику 1497 года, который известен тем, что впервые закрепил два вида процесса: состязательный и инквизиционный (розыскной).



Именно этот нормативно-правовой акт в статьях 29, 31, 34 отразил полномочия лиц, несущих государственную службу, поименованных «недельщики» (должностное лицо, по своей сути, являвшееся приставом), по розыску, доставлению и допросу лица, подозреваемого в совершении преступления [Ефрона, с 183].

Следующим имеющим определяющее значение нормативно-правовым актом является Судебник 1550 года, окончательно закрепивший переход к розыскной форме процесса. Этот переход выразался, в том числе, тем, что статьи 53 – 55 Судебника 1550 года закрепили не просто процедурное регулирование деятельности недельщика, но обязанность недельщика осуществлять поимку «татей и разбойников», а также ответственность за ненадлежащее исполнение этой обязанности.

Значение Судебников заключается в том, что институт задержания подозреваемого в совершении преступления постепенно обретает еще один свой неотъемлемый признак: задержание производится лицами, специально уполномоченными на это нормами уголовно-процессуального права.

Следующий значительный этап развития исследуемого института наступил с принятием Соборного Уложения 1649 года, в котором впервые были систематизированы положения о задержании подозреваемого.

Прежде всего, Соборным Уложением было предусмотрено четыре вида задержания [Ретюнских, с. 16-18], к которым относились:

1. Задержание на месте совершения деяния (статьи 270 и 271 главы 10 Соборного уложения). Фактически это является задержанием в его чистом виде, существующем в настоящий момент. Субъектами задержания могли выступать как пристав, так и частные лица, однако для пристава задержание подозреваемого являлось обязанностью. Интерес в рамках этого вида представляет тот факт, что Соборным уложением был установлен срок задержания, который совпадал со сроком для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

2. Задержание подозреваемого в рамках производства по делу, которое происходило в момент, когда дело уже было возбуждено, а признаки, указывающие на причастность конкретного лица к совершению преступления, были обнаружены позднее.

3. Задержание подозреваемого по рассматриваемому судом делу до представления ответчиком поручителей. Фактически речь в рамках этой разновидности идет уже не о задержании, а о заключении под стражу.

4. Задержание подозреваемого в совершении преступления против государства. Этот вид следует выделить отдельно, поскольку обязанность задержания такого подозреваемого распространялась не только на должностных лиц, но и на каждого подданного.

Анализ Соборного Уложения 1649 года свидетельствует о планомерном развитии института задержания подозреваемого, который получил свое развитие и в директивной сфере: задержание происходило как с целью участия подозреваемого в розыске, так и с целью предупреждения совершения новых преступлений [Ретюнских, с. 16-18].

С другой стороны, обнаруживается ряд проблем, присущих этому институту, и не разрешенных Соборным Уложением. Прежде всего, следует отметить, что задержание было фактически смешано с заключением под стражу. В настоящий период развития задержание от заключения под стражу отделено своим краткосрочным и неотложным характером, процедурой и целями, а также всегда предшествует заключению под стражу. Тогда как по Соборному Уложению заключение под стражу юридически именовалось задержанием.

Также следует отметить, что задерживаемое лицо по-прежнему именовалось в нормативно-правовом акте вором, злодеем, разбойником – то есть Соборное Уложение сохраняло казуальность вместо того чтобы урегулировать институт задержания абстрактно, предусмотрев такой процессуальный статус, как «подозреваемый».

Разрешение последней отмеченной проблемы казуальности регулирования произошло в 1715 году, когда было принято Краткое изображение судебных процессов и тяжб. В этом акте впервые были отражены термины «подозрение», «лицо, находящееся под подозрением».

Помимо этого, этот акт предусматривал основания «подозрения», к которым были отнесены: действия, направленные на сокрытие от суда; свидетельские показания о том, что лицо было замечено со «злодеем»; показания очевидца преступления; наличие угроз со стороны лица в адрес потерпевшего [Чупилкин, с. 9].

Регламентация приведенных оснований к задержанию лица, подозреваемого в совершении преступления, может быть воспринята в качестве первого шага на пути к появлению еще одного неотъемлемого признака института задержания: закрытого перечня оснований задержания. Однако эти основания также страдают казуальностью, поскольку регулируют задержание в специфических случаях, но при этом объединенных одной идеей: лицо своим поведением создает основания полагать, что оно причастно к совершению преступления.

Далее мы вновь возвращаемся к периоду правления императрицы Екатерины II.

Как было отмечено ранее, в Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения 1767 года, а также в Уставе благочиния 1782 года были регламентированы основания задержания подозреваемого. В отличие от оснований по Краткому изображению судебных процессов и тяжб они были более абстрактными: показания сообщника, вражда между подозреваемым и потерпевшим, признание подозреваемого, показания свидетелей.

Следующим существенным актом в сфере развития института задержания является Свод законов Российской империи, изданный в 1832 году, который систематизировал разобщенное законодательство империи. Однако в целях настоящего исследования обратимся к еще более весомому нормативно-правовому акту, ставшему следствием реформы 1864 года.

Этим актом является Устав уголовного судопроизводства 1864 года. Помимо того, что Устав продолжил линию предыдущих нормативно-правовых актов в части разделения предварительного расследования (на дознание и на предварительное следствие), в части регламентации полномочий полиции, он также вновь преобразовал основания задержания.

Согласно статье 257 Устава задержание допускалось в следующих случаях: во-первых, если преступник был застигнут на месте преступления или сразу после совершения преступления. Во-вторых, если потерпевший прямо указал на подозреваемого (или свидетель). В-третьих, если явные следы совершения преступления были обнаружены на подозреваемом (либо в его жилище). В-четвёртых, если вещественные доказательства принадлежат подозреваемому или находились у него. В-пятых, если подозреваемый совершил побег (или пытался совершить его). В-шестых, у подозреваемого нет места, где он постоянно проживает или пребывает [Григорьев, с. 11].

Помимо регулирования оснований задержания, Устав содержит также ряд норм, достойных особого внимания.

Прежде всего, стоит отметить положения статьи 84 Устава (задержание в целях предотвращения уклонения от суда), статьи 430 Устава (задержание в целях предотвращения уклонения от следствия), согласно которым при задержании подозреваемого должен быть составлен протокол, в котором должно быть указано время задержания, лицо, подвергнутое задержанию, преступное действие, в котором лицо обвиняется.

Кроме того, интерес также представляют статьи 398 – 402 Устава, согласно которым регламентирован порядок допроса задержанного лица. Так, судебный следователь обязан снять первоначальные показания «немедленно и никак не позже суток после явки или привода его». Если же следователем этот срок будет нарушен, то полиция (осуществившая задержание) будет обязана составить протокол об этом, а также сообщить задержанному о причинах его задержания «не сколько это известно». При этом лицо имеет право дать объяснения, а если их этих объяснений станет ясно, что лицо «задержано по

ошибке или недоразумению», то полиция обязана немедленно освободить такое лицо.

Учитывая все эти ценные положения, равно как и появившиеся положения о порядке обжалования задержания, положения о судебном и прокурорском надзоре за деятельностью органов предварительного расследования, тем не менее, остается открытым вопрос о полномерном соблюдении гарантий прав и свобод личности, неприкосновенность которой нарушается задержанием. К проявлению этого вопроса относится отсутствие регулирования срока задержания, момента начала исчисления такого срока и так далее.

Следующий этап развития института задержания в частности и уголовно-процессуального права в целом является советский этап. Его начало характеризуется повышенной законодательной активностью, объяснявшейся сменой власти, политического режима, идеологии.

Так, согласно постановлению Народного комиссариата юстиции от 23 июля 1918 года «Об организации и действии Местных Народных Судов», судья был наделён полномочием единоличным постановлением подвергнуть подозреваемого задержанию.

Далее были изданы десятки декретов, но более значимым в целях настоящего исследования является появление уголовно-процессуальных кодексов 1922 года и 1923 года. В статьях 105 и 106 кодексов соответственно законодателем были досконально регламентированы цели, основания, сроки задержания, а также порядок извещения судьи или следователя о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления. При этом именно на орган дознания были возложены полномочия по задержанию подозреваемого в совершении преступления.

Отметим, что согласно статье 106 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 года орган дознания был обязан в течение 24 часов сообщить суду, которому подсудно дело, либо судье, в районе которого был задержан подозреваемый, о факте задержания и основаниях задержания.

При этом в случае, если задержанный подозревался в совершении преступления, по которому было установлено обязательное предварительное следствие, орган дознания был обязан в течение того же срока сообщить те же сведения следователю либо прокурору.

В следующие 48 часов субъект, получивший соответствующие сведения о задержании, должен был принять решение о подтверждении либо неподтверждении задержания.

Таким образом, общий предельный срок задержания составлял 72 часа.

Пропуская период внутривластных и геополитических потрясений, обратимся к следующему основополагающему акту в сфере уголовно-процессуального права, сформированному в условиях спокойного развития правовой мысли, то есть к Закону Союза ССР «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», изданному 25 декабря 1958 года.

Согласно приведенному акту, задержание было отнесено к неотложным следственным действиям, которые был уполномочен производить орган дознания в целях установления и закрепления следов преступления. Однако в то же время, полномочия производить задержание были предоставлены также и следователю.

Отнесение задержания к следственным действиям является дискуссионным вопросом, который будет подробно рассмотрен в параграфе втором настоящей главы.

Продолжение положений приведенного выше акта произошло в Законе РСФСР «Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР» от 27 октября 1960 года.

Помимо уже указанных особенностей отметим также то, что подозреваемый фактически стал участником уголовно-процессуальных отношений. Подозреваемый был наделен правами, технически гарантирующими пределы вмешательства в сферу его личной

неприкосновенности, тогда как субъекты, наделенные полномочиями по задержанию, были обременены соответствующими обязанностями.

В качестве примера может быть приведено то, что в протоколе задержания подозреваемого в совершении преступления должны были быть указаны основания и мотивы задержания, которые в обязательном порядке разъяснялись задержанному, в протоколе должны были быть приведены объяснения задержанного, а помимо этого, задержанному также объявлялось в совершении какого преступления он подозревается.

Интересно, что действенность этих процедурных гарантий была обеспечена не самим законом, а постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1994 года № 6 «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 года». Согласно постановлению, суд обязан принять жалобу в отношении задержания (по поводу законности и обоснованности последнего), рассмотреть её и разрешить по существу. При этом такую жалобу вправе подать не только задержанный, но и его защитник и законный представитель [Гирько, Березина, с. 54].

Таким образом, начиная с Русской Правды и заканчивая Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 года, постепенно устанавливается и развивается институт задержания подозреваемого в совершении преступления, который существует в настоящее время: от регламентации пределов причинения вреда при задержании вора по Русской Правде до предоставления задержанному права обжаловать его задержание в суде в силу разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации.

Путем исторического анализа установлено, что процесс становления института задержания берет свое начало в праве физических лиц осуществлять задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также доставлять их для разрешения спора князем.

В дальнейшем происходит постепенное развитие положений гражданского задержания путем создания образа системы органов

предварительного расследования в виде предоставления отдельным «должностным лицам» прав по задержанию подозреваемых. При этом позднее эти права становятся полномочиями, за ненадлежащее исполнение которых лицо может быть привлечено к ответственности.

Одновременно с этим происходит развитие перечня ситуаций, при которых возможно осуществление задержание, хотя еще и смешиваемого с институтом заключения под стражу.

Постепенно казуистическое регулирование отдельных ситуаций, при которых допускается задержание, заменяется на установление перечней оснований задержания, хоть еще и страдающих казуистикой, но уже сформированных в самостоятельные нормы-перечни.

При этом наравне с регулированием процедурных вопросов задержания, необходимых для повышения эффективности уголовного преследования, появляются также зачатки норм-гарантий прав задерживаемых лиц.

Прежде всего, такой гарантией становится протоколирование задержания. В дальнейшем протоколирование дополняется регламентацией процедуры действий следователя после задержания подозреваемого.

В итоге на рубеже 19 и 20 веков, а также в эпоху советского союза уголовно-процессуальные нормы начинают регулировать не только порядок и основания задержания, но также и сроки, цели и права задержанного лица.

Следующим этапом развития института задержания является принятие 22 ноября 2001 года Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которому и будут посвящены следующие два параграфа настоящей главы.



## 1.2. Понятие задержания

Исследование понятия задержания необходимо начать с вопроса о его сущностном назначении.

В настоящий период институт задержания является механизмом соблюдения права личности на свободу и личную неприкосновенность, являющимся основополагающим правом человека.

Основополагающий характер этого права проистекает из статьи 5 Европейской Конвенции по правам человека 1950 года, статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и многих иных международных соглашений.

Отметим, что статья 5 Европейской Конвенции по правам человека предусматривает не только общее правило о праве каждого на свободу и личную неприкосновенность, но и предусматривает возможность лишения этой свободы и возможность претерпевание вмешательства в личную неприкосновенность, которые допустимы в исключительных случаях.

Для российской правовой системы первостепенное значение (на данный момент) в этой части имеет положение части 1 статьи 22 Конституции РФ.

В соответствии с указанной выше нормой, каждый без исключения обладает правом на личную неприкосновенность и свободу. Одним из частных проявлений данного права является то, что лишать свободы без решения суда запрещается, в том числе арестовывать, заключать под стражу и содержать под ней. Тем не менее, без решения суда допускается задержание, но действует ограничение – срок задержания в таком случае не может превышать 48 часов.

Анализ положений Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что неприкосновенность личности включает в себя две основные характеристики: защищенность личности и невмешательство в свободу личности.

В части второй составляющей рассматриваемой конструкции Г.Б. Романовский полагает, что невмешательство обеспечивается реализацией государством своей обязанности по обеспечению состояния автономии, а равно

свободы человека от государства, от общества и от иных членов общества посредством установления необходимых запретов [Романовский, с. 28].

Следует согласиться с этим автором, в то же время более подробно раскрыв его позицию.

Действительно невмешательство в личную свободу должно обеспечиваться государством, поскольку именно ему направлены предписания Конституции, именно на него она возлагает обязанность по обеспечению неприкосновенности личности. Но в данном случае государство не просто ограничивает человека от других людей, но также осуществляет и самоограничение, что требует особо детальной и сбалансированной регламентации отношений, связанных с потенциальным риском вмешательства в личную свободу. Обладая массивными и организованными властными органами, государство должно таким образом обеспечить действие системы сдержек и противовесов, чтобы каждый властный орган мог быть в случае необходимости ограничен другим властным органом.

В части защищенности личности представляется верным обратиться к позиции Н.В. Витрука, который определил защищенность в качестве установления комплекса мер, направленных на предупреждение нарушений прав и свобод личности, на выявление причин, порождающих такие нарушения, а также на предупреждение таких нарушений [Витрук, с. 202-203].

Таким образом, положения статьи 22 Конституции Российской Федерации налагают на государство две различные по характеру обязанности: пассивную (ограничительную) и активную (обеспечительную). В рамках первой обязанности государство должно путем запретов ограничить возможность произвольного вмешательства в свободу личности. В рамках второго государство должно обеспечить наличие действенных и эффективных гарантий неприкосновенности личности.

И та, и другая обязанность предполагает наличие таких положений законодательства, которые бы детально и подробно регулировали любые

отношения, так или иначе связанные с потенциальным риском вмешательства в личную свободу.

Конституционный суд Российской Федерации, оценивая нормативно-правовые акты в порядке конкретного нормоконтроля, выражал позицию о том, что надлежащее исполнение статьи 22 Конституции РФ о праве на свободу и личную неприкосновенность предполагает возможность эффективной защиты личности от необоснованных и незаконных либо вне временных пределов задержания, заключения под стражу, ареста или лишения свободы в иных формах (постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, от 17 февраля 1998 года № 6-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П и др.).

При этом в конкретном деле Конституционный Суд РФ особо подчеркнул, что судебное решение, которым может быть увеличен срок задержания лица на время более чем 48 часов, призвано гарантировать не только защиту от бессрочного лишения свободы, но и защиту от неправомерного задержания как такового.

Приведенные выше положения статьи 22 Конституции РФ находят свое продолжение и развитие в статьях 27.2, 27.3, 27.4, 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях о доставлении, административном задержании, протоколе административного задержания, а также месте и порядке содержания задержанных лиц. Кроме того, также и статья 14 «Задержание» Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» предусматривает полномочие на задержание у органов внутренних дел, но с учетом положений о недопустимости задержания на срок более 48 часов.

Однако в рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет развитие этих положений в тексте УПК РФ от 2001 года.

Являясь процедурой уголовного преследования, осуществляемого подготовленной и структурированной системой органов предварительного расследования, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации одним из своих принципов устанавливает неприкосновенность личности.

Этот принцип отражен в статье 10 УПК РФ и в развитие принципа законности предусматривает, что задержание возможно только при наличии на то законных оснований и на срок не более 48 часов. Гарантиям недопустимости длительного задержания коррелирует установленная частью второй той же статьи обязанность суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя немедленно освободить всякого незаконно задержанного.

Представляется, что установление такой обязанности направлено на устранение имманентного розыскного характера уголовного преследования в Российской Федерации. Дух закона предполагает, что властные участники уголовного процесса обязаны не только привлекать к уголовной ответственности виновных, но и защищать личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Последнее закреплено в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве назначения уголовного судопроизводства.

Законные основания задержания, а равно вмешательства в свободу личности, отражены в статьях 91 – 92 УПК РФ.

В соответствии с этими статьями задержание в рамках уголовного судопроизводства может производиться ограниченным кругом лиц, а именно органом дознания, дознавателем, следователем. При этом задержание возможно исключительно в случае, если лицо подозревается в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

Кроме того, указанные нормы также предусматривают и основания задержания подозреваемого, но в отличие от проанализированных в параграфе первом настоящей главы перечней оснований, этот перечень носит более абстрактный и лаконичный характер: «когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения», «когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление», «когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления».

Из структуры уголовно-процессуального закона следует, что задержание отнесено к мерам процессуального принуждения. Об этом прямо говорится в п. 11 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которым задержание, будучи мерой принуждения, может применяться в отношении лица, подозреваемого в преступлении, органами предварительного расследования на срок, не превышающий 48 часов с начала фактического задержания.

Иными словами, суть задержания состоит в том, что свобода личности ограничивается на короткий период, т.е. имеет место вмешательство в свободу. Однако подобное вмешательство не нарушает закон, так как преследует цель защиты прав и интересов потерпевших. Следовательно, задержание существует для того, чтобы достигать цели и задачи уголовного судопроизводства.

Важным для уяснения сущности задержания является содержание понятия «фактическое задержание». В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ, таковым является момент, когда подозреваемый был фактически лишён свободы свободно перемещаться в пространстве.

Значит, уголовно-процессуальное понятие «задержание» охватывает несколько признаков:

- урегулировано нормами уголовно-процессуального права;
- ограниченный круг субъектов уголовно-процессуального задержания;
- обязательный признак соразмерности задержания как меры процессуального принуждения в виде задержания только тех лиц, которые подозреваются в совершении преступлений, наказанием за которые может быть лишение свободы;
- ограниченный круг оснований задержания, которые связаны с выявлением следов, свидетельствующих о конкретных признаках состава преступления;
- краткосрочный характер этой меры уголовно-процессуального принуждения, выраженный установлением максимального срока задержания без судебного решения (не более 48 часов), в условиях наличия судебного

решения о продлении срока задержания (не более 72 часов согласно п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ);

— протоколирование действий, производимых в рамках задержания.

Вышеуказанное подтверждается выводами Девятого кассационного суда общей юрисдикции, который в деле № 88-6540/2020 указал, что Уголовно-процессуальное задержание представляет собой продолжительный процесс, к основным элементам которого относятся фактическое лишение свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ), доставление подозреваемого к должностному лицу или в орган, правомочному на применение данной меры процессуального принуждения (ч. 1 ст. 92 УПК РФ) и составление протокола уполномоченным на то субъектом уголовно-процессуальной деятельности (ч. 1 ст. 91, ч. 1 ст. 92 УПК РФ).

В то же время, выявление приведенных выше признаков понятия «задержание» требует также обращения к имеющейся доктринальной дискуссии относительно отнесения задержания к мере процессуального принуждения либо к следственному действию.

Как отмечает С.Б. Россинский, «задержание является одним из самых трудных для осмысления и анализа фрагментов досудебного уголовного судопроизводства» [Россинский. Дискуссия о сущности..., с. 134-145].

В подтверждение этого тезиса С.Б. Россинский указывает, что сущность задержания в доктрине понимается в двух противоположных значениях:

1. Задержание является мерой уголовно-процессуального принуждения, состоящей в кратковременном вмешательстве в личную неприкосновенность и лишении свободы личности;

2. Задержание является следственным действием, целью которого, помимо прочего, является и поиск, собирание и закрепление сведений.

Первой позиции придерживается как сам С.Б. Россинский, так и другие юристы, например, Фойницкий И.Я., Случевский В. К., Розин Н.Н., Чельцов М.А., Лившиц Ю.Д., Гинзбург А.Я. и др.

Второй позиции придерживается, к примеру, А.А. Тарасов, который к тому же утверждает, что отнесение задержания к мере процессуального принуждения стало возможным исключительно благодаря прямому указанию УПК РФ в этой части [Тарасов, с. 63-67]. Помимо А.А. Тарасова этой теории придерживается также и ряд иных исследователей, например, Гаврилов А.Н., Ефимичев С.П., Михайлов В.А., Туленков П.М. и др.

Раскрывая причины этой дискуссии, С.Б. Россинский отмечает, что к ним может быть отнесено несколько факторов.

В первую очередь, к ним можно отнести отсутствие единого понимания понятия «следственное действие». В частности, согласно широкого подходу к следственным действиям относятся любые процессуальные формы деятельности следователя, из-за чего задержание как форма деятельности следователя подпадает под категорию следственного действия. Иными словами, этот подход построен на систематизации действий лишь по одному критерию – по критерию субъекта.

Во вторую очередь, проблематичность отнесения задержания к следственному действию либо мере процессуального принуждения вызвана обусловленностью задержания совершением ряда процессуальных действий: составление протокола, личный обыск подозреваемого, допрос подозреваемого и так далее. Нахождение этих мероприятий в тесной системной связи не позволяет различным авторам отделять часть от целого.

В качестве решения этой дискуссии предложено воспринимать указанные подходы не в качестве противоположных, а в качестве сформированных с различных точек зрения. Иными словами, в одном и том же объекте можно выделить различные характеристики, если использовать различные методики исследования этого объекта.

То есть институт задержания подозреваемого является комбинированным и многогранным, преследуя сразу несколько целей и выполняя несколько задач. Запуская механизм кратковременного ограничения свободы личности, предотвращая уничтожение следов преступления, а также совершение новых

преступлений, задержание также открывает путь к ряду взаимосвязанных следственных мероприятий, которые должны быть произведены следователем в отношении задержанного.

Таким образом, в настоящее время задержанием является комплексный механизм соблюдения прав и свобод личности от незаконного уголовного преследования, а также реализации государством обязанности по защите общества от преступлений. Сбалансированность этого механизма проявляется в четкой процедуризации деятельности лиц, осуществляющих задержание, проявляемой в протоколировании, наличии сроков, ограничительном перечне оснований задержания. С другой стороны, сбалансированность проявляется определением момента, с которого начинается ограничение свободы личности, с которого начинается задержание (захват и последующее доставление). Определение этого момента запускает «возникновение» прав у задержанного на дачу пояснений, на защиту, на получение сведений о причинах своего задержания.

Однако возвращаясь к тому, что задержание в настоящий момент является комплексным институтом, перейдем к вопросу о целях и задачах задержания.



### 1.3. Цели и задачи задержания

В результате проведенного исследования в первых двух параграфах настоящей главы следует прийти к выводу, что понимание сущности института задержания в настоящий момент сводится к трем различным позициям:

— согласно первой позиции, задержание является мерой уголовно-процессуального принуждения;

— согласно второй точке зрения, задержание является следственным действием;

— согласно третьей точке зрения задержание имеет двойственную природу и объединяет в себе как признаки меры уголовно-процессуального принуждения, так и признаки следственного действия.

Действительно, приверженность к одной из позиций исключает важные признаки уголовно-процессуального задержания двух других позиций.

Всё же, возможно, следует согласиться с тем, что задержание подозреваемого носит интегративный характер и так или иначе одновременно служит достижению нескольких целей, объединяя в себе как элементы принуждения в виде ограничения свободы личности, так и механизм получения доказательственной информации [Вандышев, с. 240].

Наличие различных позиций относительно сущности уголовно-процессуального задержания позволяет тщательнее выделить цели действия этого института:

— проверка причастности лица к совершению деяния, содержащего признаки преступления;

— проверка наличия достаточных оснований для применения исключительной меры пресечения в виде заключения лица под стражу в соответствии со ст. 108 УПК РФ.

Именно эти две цели выделяются и А.В. Смирновым и К.Б. Калиновским в их трудах, посвященных комплексному исследованию уголовно-процессуального права [Смирнов, Калиновский, с. 95].

Помимо этих двух основных целей различные исследователи также выделяют и иные цели.

К примеру, И.М. Гуткин полагает, что к цели задержания относится также и «стремление, желание помешать заподозренному, не дать ему возможности» продолжить преступные деяния, а равно остановить причинение вреда общественным отношениям [Гуткин, с. 37].

В.Ю. Мельников выражает схожую позицию, указывая, что задержание производится с целью обеспечения надлежащего поведения подозреваемого [Мельников, с. 45].

При этом, к примеру, Л.И. Лавдаренко полагает, что к целям уголовно-процессуального задержания не может быть отнесено выяснение причастности задержанного к преступлению [Лавдаренко, с. 12]. Этот вывод исследователь подкрепляет позицией видного процессуалиста И.Л. Петрухина, поставившего под сомнение выделение такой цели, поскольку, по мнению последнего, достижение такой цели возможно и без проведения мероприятий по задержанию подозреваемого [Петрухин И.Л., с. 10].

Позиция Л.И. Лавдаренко строится на том, что последний не относит задержание к составляющей познавательной деятельности, то есть обособляет задержание от следственных действий.

Как указывает исследователь, действительно в процессе задержания органы предварительного расследования получают возможность установить имеющие значение для уголовного дела обстоятельства, например: личность подозреваемого, наличие следов, появление которых может быть опосредовано причастностью к преступлению, на теле или одежде.

Однако Л.И. Лавдаренко, тем не менее, считает, что задержание само по себе не может использоваться в качестве способа сбора доказательственной информации. В качестве доказательства своей позиции он приводит аргументацию «от обратного»: если признать, что задержание оправданно с точки зрения необходимости сбора доказательств, тогда задержание следует признать оправданным абсолютно в каждой ситуации. Но такой подход

противоречит закрытому перечню оснований задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

На основании этого и ч. 1 ст. 111 УПК РФ, исследователь полагает, что уголовно-процессуальное задержание имеет скорее цель обеспечить порядок уголовного судопроизводства и, в конечном итоге, обеспечить, чтобы приговор суда был исполнен надлежащим образом. Этим задержание похоже на остальные меры принуждения, известные закону.

Фактически отвергнув цели, связанные с познавательной деятельностью, И.Л. Лавдаренко, тем не менее, предлагает исходить также из дихотомии целей уголовно-процессуального задержания. Эту двойственность правовед выводит из различного функционального назначения двух видов задержания, а именно неотложной меры и меры, направленной на доставку подозреваемого в суд:

- задержание подозреваемого в качестве неотложной меры с целью пресечения преступной деятельности и обеспечения эффективного запуска механизма уголовного преследования, что соответствует основаниям, приведенным в части 1 статьи 91 УПК РФ. В этой части исследователь вновь выражает согласие с позицией И.Л. Петрухина, который указал, что цели задержания и мер пресечения в своей основе совпадают;

- задержание подозреваемого в качестве средства, обеспечивающего разрешение судом вопроса о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу.

Однако, рассуждая об обеспечении порядка уголовного судопроизводства, этот исследователь фактически подменяет техническую цель некоей абстрактной целью.

Действительно, часть 2 статьи 91 УПК РФ предусматривает особое основание задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Если часть 1 предполагает именно краткосрочную изоляцию подозреваемого, то часть 2 предполагает необходимость задержания для более длительной изоляции, которая в последующем, вероятно, трансформируется из задержания в заключение под стражу как меру пресечения.

Однако и в первом и во втором случае осуществляющие задержание лица действуют, руководствуясь пониженным стандартом убеждения, а именно стандартом «на первый взгляд».

«На первый взгляд» на одежде лица находятся следы преступления, например, крови, в связи с чем органы предварительного расследования уполномочены задержать лицо. Только после задержания уполномоченное лицо может направить в суд ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Либо же «на первый взгляд» лицо попыталось скрыться, и если в суд уже направлено ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, то такое лицо может быть задержано.

Разумеется, непосредственной и прямой целью и того, и другого вида задержания является именно ограничение свободы лица, позволяющее в данный момент приступить к реализации обязанности по уголовному преследованию.

Однако идеализация и сугубо теоретический подход к определению цели не позволяют в полной мере отразить сущность уголовно-процессуального задержания.

Являясь одним из первых этапов уголовного преследования, задержание подозреваемого, если оно осуществлено законно, позволяет приступить к сбору сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Иными словами, задержание ради задержания представляется противоречивым тезисом, исключающим не только возможность в полной мере исследовать этот институт, но и фактически исключая значение исторического развития этого института.

Задержание подозреваемого осуществляется именно постольку, поскольку он становится подозреваемым «на первый взгляд». Однако убеждение, основанное на стандарте «на первый взгляд», не может длительно ограничивать свободу личности, в связи с чем и Конституция Российской

Федерации, и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривают краткосрочность задержания.

**Следовательно, действительной целью уголовно-процессуального задержания является выяснение причастности задержанного к совершению деяния, содержащего признаки преступления, то есть формирование убеждения у субъекта предварительного расследования, которое бы стало основанием возникновения обязанности возбудить уголовное дело в отношении задержанного, либо освободить задержанное лицо.**

При этом в зависимости от применения части 1 или 2 статьи 91 УПК РФ субъектом проверки первоначально сформированного убеждения будет либо орган предварительного расследования, либо суд, рассматривающий ходатайство о выборе меры пресечения.

В этой части особое значение имеет положение об обязанности органов предварительного расследования немедленно освободить незаконно задержанное лицо.

Основания освобождения задержанного лица перечислены в части 1 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой подозреваемый подлежит освобождению, если не подтвердилось подозрение в совершении преступления либо отсутствуют основания применения к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу, а также если задержание было проведено с нарушением требований статьи 91 УПК РФ.

**Эти положения вновь подтверждают, что целью задержания является проверка обоснованности подозрения, на которое уполномоченным субъектам отводится лишь 48 часов.**

Соответственно к задачам задержания относится вся та совокупность действий, опосредующих достижение выявленной цели: захват, доставление к уполномоченному субъекту, установление необходимых сведений о личности,

об обстоятельствах, имеющих значение для оценки обоснованности  
подозрения, оценка обоснованности подозрения.

## **Глава 2. УСЛОВИЯ, ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ЗАДЕРЖАНИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Во втором параграфе первой главы подробно раскрыты характерные признаки института задержания подозреваемого. Одним из концептуальных признаков института задержания как системного комплекса гарантий конституционных прав свободы и неприкосновенности личности является закрытый характер перечня оснований задержания. Наличие такого перечня позволяет исключить произвольное применение мер принудительного характера, ограничив его путем регламентации нескольких фактических составов, влекущих возможность применения этой меры.

В связи с этим исследование оснований и условий задержания является безусловно необходимой частью исследования института задержания подозреваемого в целом.

В то же время, учитывая содержание второй главы, а в особенности первых двух параграфов, с методологической точки зрения верным будет прежде разграничить условия и основания, определив их предмет и сферу предмета.

По мнению автора, к условиям относятся те юридически значимые факты, которые являются предпосылкой возникновения определенного законом последствия. То есть те или иные факты должны обладать определенными *характеристиками*, чтобы порождать такие последствия. Наличие правовых условий *обуславливает* возникновение абстрактной возможности, в данном случае абстрактной возможности задержания лица. Отсутствие условий является непреодолимым препятствием развития последствия в виде задержания лица, а равно приводит к отсутствию абстрактной возможности задержания.

В свою очередь, основание — это юридический состав, порождающий то или иное правовое последствие. Основание представляет собой совокупность юридически значимых фактов. К примеру, основанием привлечения к уголовно-правовой ответственности является совершение преступления, тогда как условием привлечения к уголовно-правовой ответственности является достижение определенного возраста, преступный характер деяния, наличие определенного уровня общественной опасности и т.д.

Применительно к задержанию наличие оснований опосредует переход абстрактной возможности задержания (имеющийся при наличии только лишь условий) в реальную возможность задержания. Наличие и условий, и оснований задержания порождает реальную возможность, то есть обязанность уполномоченных лиц задержать лицо, приобретшее статус подозреваемого, а самого подозреваемого обязывает претерпеть ограничение его прав и свобод.

В связи с этим логично приступить к изучению условий и оснований задержания подозреваемого с условий задержания, являющейся необходимой предпосылкой для возникновения властного правоотношения, в рамках которого при наступлении оснований возможна реализация норм права, регламентирующих процедуру и порядок задержания.

Поэтому изложение в настоящей главе структурировано по трем параграфам: условия задержания, основания задержания и порядок, процедура задержания.

Исследование условий, оснований и порядка задержания имеют практическое значение в рамках совершенствования механизмов уголовного преследования с учетом гарантий прав и свобод в том числе задерживаемых лиц. Но в то же время, значение настоящего исследования заключается еще и в том, что неправомерное нарушение процедуры задержания подпадает в поле регулирования УПК РФ, а именно статьи 301 «Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей». Согласно части 1 приведенной статьи ответственность по ней наступает за заведомо незаконное задержание.



Подробнее вопрос уголовной ответственности за незаконное задержание будет раскрыт в главе 3, тогда как в этой главе будут изложены условия, основания и порядок задержания, нарушение которых запрещено.

## 2.1. Условия задержания

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский предлагают дифференцировать условия задержания подозреваемого в совершении преступления на общие и на специальные [Смирнов, Калиновский, с 235].

К общим условиям задержания как к условиям применения любой из мер процессуального принуждения относятся:

- 1) надлежащий субъектный состав (надлежащий субъект задержания);
- 2) надлежащий объект, то есть наличие у задерживаемого лица необходимых признаков (в качестве примера авторы приводят исключение: не может быть задержано лицо, обладающее специальным иммунитетом);
- 3) наличие возбужденного уголовного дела.

Специальный характер условий авторы определяют применительно к сущности самого института задержания подозреваемого, отграничивая его таким образом от иных мер процессуального принуждения. К специальным авторы относят два условия:

1) наличие признаков, влекущих потенциальную необходимость заключения лица под стражу, а равно свидетельствующих о возможности назначения подозреваемому наказания в виде лишения свободы. Указанное условие, представляется, основано на требованиях Конституции Российской Федерации. В то же время, представляет интерес и категория *prima facie*, о которой будет указано далее;

2) соблюдение специальных требований уголовно-процессуального законодательства, связанных с объектом, то есть признаками задерживаемого лица, так «член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, федеральный или мировой судья, прокурор и некоторые другие лица, задержанные по подозрению в совершении преступления, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности (ст. 449 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)». Тут же следует отметить

наличие требования, закрепленного в статье 461 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой не может быть задержано лицо, выданное иностранным государством, без согласия такого государства. К еще одному условию задержания относится условие, установленное в отношении порядка задержания несовершеннолетних, согласно которому требуется незамедлительное извещение законных представителей несовершеннолетнего (ст. 423 УПК РФ).

Рассуждая о режиме законности применения мер уголовно-процессуального принуждения, С.Б. Россинский отмечает, что меры принуждения, к которым относится и задержание, могут быть применены при соблюдении двух обязательных условий правомерности [Россинский. Правовые условия..., с. 30-36]:

- 1) наличие возбужденного уголовного дела;
- 2) наличие у адресата конкретной меры статуса обвиняемого либо в исключительных случаях – подозреваемого.

А.П. Рыжаков к основным условиям задержания подозреваемого относит следующие [Рыжаков, доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»]:

- 1) наличие возбужденного уголовного дела;
- 2) наличие признаков, свидетельствующих о том, что задерживаемым лицом совершено преступление, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

Приведенные позиции интегративно отражают общую сложившуюся позицию о выделении общих и специальных условий, среди которых можно определить:

- 1) субъектный состав;
- 2) наличие необходимых признаков деяния с учетом положений статьи 22 Конституции Российской Федерации;
- 3) наличие возбужденного уголовного дела;

4) соблюдение специальных требований применения положений о задержании несовершеннолетних, лиц, обладающих специальным иммунитетом.

Предложенные правоведами-процессуалистами классификации безусловно заслуживают внимания, но в целях настоящего исследования не может быть приняты на веру, а должны быть подвергнуты тщательному критическому исследованию.

Анализ предложенных классификаций обнаруживает ряд вопросов:

Во-первых, ограничен ли субъектный состав указанными в статье 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации органом дознания, дознавателем и следователем, либо задержание вправе осуществлять также иные субъекты.

Согласно статье 91 УПК РФ задержание вправе производить орган дознания, дознаватель и следователь. Фактически перечень этих лиц оказывается довольно широким, поскольку в силу статей 38, 40, 41 УПК РФ охватывает собой и следователей Следственного комитета Российской Федерации, и следователей Министерства внутренних дел Российской Федерации, следователей Федеральной службы безопасности, органы внутренних дел Российской Федерации, органы принудительного исполнения, а также дознавателей, как правомочных, так и уполномоченных.

Интерес представляет тот факт, что Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ из статьи 91 УПК РФ была исключена фраза «и прокурор». Иными словами, с 8 сентября 2007 года из субъектного состава задержания был исключён прокурор.

Комитет Государственной Думы России по конституционному законодательству и государственному строительству, анализируя этот закон еще на этапе его внесения в Государственную думу России, отмечал, что законопроект, который внёс обозначенные выше изменения, преследовал цель разграничить полномочия органов прокуратуры для обеспечения независимости органов следствия и следственной деятельности. В результате

произошло разграничение прокурорских функций в области предварительного расследования, с одной стороны, и в области надзора за предварительным следствием, с другой стороны.

Иными словами, лишение прокуроров полномочий по задержанию подозреваемых в совершении преступления связано с реформированием органов прокуратуры и следствия, их обособлением, приданием организационной самостоятельности, вследствие чего за прокуратурой была закреплена задача блюсти законность при реализации положений о задержании, а не реализовывать эти положения.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является соотношение уголовно-процессуального задержания и уголовно-правового или же «гражданского» задержания, то есть задержания, осуществляемого лицами, прямо не уполномоченными на это статьей 91 УПК РФ. Практическая ценность дискуссии основана на проблеме исчисления срока задержания: входят ли во время уголовно-процессуального задержания захват и доставление, осуществляемые лицами, не являющимися следователями, органами дознания либо дознавателями.

«Гражданское» задержание в российском праве прямо не регламентировано на законодательном уровне, однако имеет отражение в статье 38 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Эта норма устанавливает правило об исключении уголовной ответственности лица, причинившего вред лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 постановления от 27.09.2012 № 19 отметил в этой части, что «право на задержание лица, совершившего преступление, имеют не только уполномоченные на то представители власти, но и иные лица, в том числе пострадавшие от преступления либо ставшие его непосредственными очевидцами или лица, которым стало достоверно известно о его совершении».

Ввиду отсутствия законодательного регулирования, к примеру, Н.П. Исаева предлагает расширить ст. 91 УПК РФ путём включения положений о праве любого захватывать и доставлять к уполномоченным лицам лицо, застигнутое при совершении либо после совершения преступления [Исаев, с. 10]. Аналогично и А.А. Сумин после исследования правовых систем Испании, Италии, Франции, Германии и Японии предлагает урегулировать «гражданское» задержание нормами уголовно-процессуального закона [Сумин, с. 45-46].

Однако в отсутствие прямого регулирования этого института остается отнести либо отказаться в отнесении «гражданского» задержания к уголовно-процессуальному задержанию.

Ряд исследователей по этой причине предлагают различать уголовно-процессуальное и гражданское задержания. То есть ими предлагается исходить из того, что названные институты носят характер независимых и самостоятельных [Попов, с. 154]. Так, по мнению С.Б. Россинского, для разрешения сложностей при разграничении целесообразно исключить из содержания задержания в УПК РФ фактическое задержание и доставление [Росинский. Размышления о правовой природе..., с. 73].

С этим согласны Н.В. Азаренок и А.А. Давлетов. Они считают, что в УПК РФ сроки, равные 3 и 38 часам, должны исчисляться по-другому: с момента, когда лицо было доставлено к следователю (или дознавателю), уполномоченному составлять соответствующий протокол (ст. 92 УПК РФ) [Азаренок, Давлетов, с. 9].

При этом обращаем внимание, что нарушение порядка составления протокола в установленные сроки не является основанием для отмены приговора (например, см. Кассационное определение Мурманского областного суда по делу №22-423/2020 от 09.06.2020, Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда по делу №22-7940/2019 и др.). Суды указывают, что факт ограничения в свободе передвижения (т.е. фактически

задержания) без оформления соответствующего процессуального документа, не является основанием для отмены законного и обоснованного приговора.

Судам, при установлении факта задержания без протокола следует учитывать эти обстоятельства при вынесении приговоров и производить зачёт срока содержания под стражей с момента фактического задержания осужденных. В случае игнорирования вопроса установления времени фактического задержания приговор суда первой инстанции может быть изменён. Например, Апелляционным постановлением Верховного суда Республики Коми от 16.10.2020 по делу № 22-2512/2020 были внесены изменения в приговор в части зачета осужденному в срок отбывания наказания время содержания его под стражей со дня фактического задержания до вступления приговора в законную силу. В обосновании постановления суда была указано, что согласно части 2 статьи 92 УПК РФ в протоколе задержания указываются не только дата и время его составления, но дата и время фактического задержания подозреваемого.

Суд первой инстанции в свою очередь не проверил в судебном заседании, в том числе при установлении личности подсудимого, достоверность содержания протокола его задержания, не выяснил, когда и при каких обстоятельствах он был фактически задержан. В связи с чем неправильно произвел зачет времени содержания под стражей в срок лишения свобод, тем самым нарушил требования статьи 72 УПК РФ.

Однако в уголовно-процессуальной науке есть и противоположная точка зрения. Так, по мнению В.Е. Конюченко, УПК РФ должно регулировать «гражданское» задержание, потому что оно предполагает ограничение неприкосновенности личности [Конюченко, с. 194].

Высказывая аналогичную позицию, М.М. Шамсутдинов считает, что в УПК РФ в самостоятельной норме должно быть закреплено право гражданина задерживать лицо, которое совершило преступление [Шамсутдинов, с. 172].

С последней точкой зрения трудно согласиться, равно как и с тем, что в ст. 38 УК РФ идёт речь о гражданском задержании. Потому что уголовный

закон, как известно, направлен на регулирование отношений, который сложились в связи с установлением состава преступления в действиях физического лица. Следовательно, в ст. 38 УК РФ идёт речь о том, какие действия и при каких обстоятельствах исключают преступность деяния.

Как отмечалось ранее, и доставление, и захват являются составляющими задержания в уголовно-процессуальном смысле, что полностью соответствует приведённым выше положениям Конституции РФ.

С целью ответа на вопрос, является ли уголовно-правовое или же гражданское задержание сферой, подпадающей под уголовно-процессуальное регулирование, следует обратиться хотя бы к структуре УК РФ. Так, статья 38 «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» располагается в главе «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния».

То есть само по себе ограничение свободы задерживаемого, а также причинение ему вреда при таком ограничении являются уголовно-наказуемыми. Однако в случае, если эти деяния совершаются в отношении лица, с достоверной степенью вероятности совершившего преступление, для его доставления органам власти, преступность деяния - задержания, формально содержащего признаки преступления (лишение свободы и причинение вреда здоровью), исключается.

В связи с этим, основываясь на действующем законодательстве, рано рассуждать о праве граждан на задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления. «Любой и каждый» не может стать субъектом задержания по статье 91 УПК РФ. Речь скорее о том, что такое задержание не повлечет для граждан уголовного наказания, а значит, не является социально нежелательным.

Отдельно отметим, что задержание с точки зрения уголовного процесса является не только правом следователя, органа дознания и дознавателя, но и их обязанностью. В публичной отрасли права практически любое субъективное право становится полномочием, являющимся по своей сути правом-обязанностью. В связи с этим нарушение условий, оснований и порядка



задержания, предусмотренных УПК РФ, может влечь ответственность только для тех лиц, кто уполномочен на задержание. Тогда как поведение лиц, не являющихся субъектами задержания, может быть оценено лишь с позиции ст. 38 УК РФ и т.д.

Правильное определение субъектного состава задержания безусловно важно в целях правоприменения статьи 301 УК РФ.

В связи с этим произвольное расширение круга субъектов задержания может повлечь не только риск необоснованного применения института задержания неуполномоченными лицами, но и привлечение таких неуполномоченных лиц к уголовной ответственности.

Во-вторых, к проблемам в классификациях можно отнести и вопрос, является ли безусловно обязательным наличие возбужденного уголовного дела, и возможно ли применение института задержания в случае, если уголовное дело еще не возбуждено.

Прежде всего, отметим, что актуальность вопроса о возможности задержания лица до возбуждения уголовного дела была относительно утрачена после обособления следствия от прокуратуры и исключения участия прокурора в возбуждении уголовного дела. Ведь основная проблема и заключалась в том, что задержание, обладающее признаками следственного действия, можно совершать только после возбуждения уголовного дела, на что должно было быть получено согласие прокурора – объективный внешний по отношению к следователю и др. фильтр. В настоящий момент вопрос остается неразрешенным, но прикладное значение несколько утрачено.

Следует отметить, что в 80-х гг. в уголовно-процессуальной науке считалось, что началом задержания является момент, когда процессуальный документ составляется, а подозреваемый направляется в помещение для задержания, где он не может скрыться, препятствовать расследованию по уголовному делу и продолжать преступную деятельность. При этом наряду с задержанием проводится личный обыск, который тоже оформляется

протоколом. И задержание, и личный обыск возможны только тогда, когда уголовное дело было возбуждено [Алексеев, Даев, Кокорев, с. 172].

Чем можно подтвердить либо опровергнуть такой подход?

Вопрос о конституционной правомерности задержания лица до возбуждения уголовного дела был поставлен перед Конституционным Судом Российской Федерации в 2006 году, однако Конституционный Суд Российской Федерации ограничился лишь позицией о том, что Конституция Российской Федерации позволяет задерживать лицо, ограничивая его права на свободу и личную неприкосновенность, тогда как Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не противоречит этим положениям, а наоборот, сужает сферу их применения.

За два года до этого вопрос о правомерности задержания до возбуждения уголовного дела в целях оценки правоприменения статьи 301 Уголовного кодекса Российской Федерации рассматривала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Коллегия указала, что фактическое задержание лица, совершившего преступление, на которого указали очевидцы, совершенное до возбуждения уголовного дела, не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 301 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Спустя три года, в 2007 году, когда следствие еще не было отделено от прокуратуры, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ заняла противоположную позицию, рассматривая вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности следователя, задержавшего лицо до возбуждения уголовного дела. Как указала Коллегия: уголовное дело считается возбужденным только с момента дачи согласия прокурора на его возбуждение. Вместе с тем, указанной нормой права предусмотрен исчерпывающий перечень следственных действий, которые могут быть произведены следователем или дознавателем до возбуждения уголовного дела и задержание подозреваемого к нему не относится. Таким образом, задержание возможно только по возбужденному уголовному делу».

Б.Т. Безлепкин, придерживаясь мнения о том, что задержание является следственным действием, отмечает, что наличие возбужденного уголовного дела является необходимым условием задержания подозреваемого в преступлении, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы [Безлепкин, с. 640]. При этом исследователь отвергает позицию о том, что в ряде случаев задержание предшествует возбуждению уголовного дела. Неверность такой позиции исследователь объясняет тем, что она основана на необоснованном смешении административного и уголовно-процессуального задержаний, которые являются видами мер государственного принуждения и которыми вправе пользоваться сотрудники правоохранительных органов. Задержание, известное уголовно-процессуальному закону, может быть применено только должностным лицом, которое осуществляет производство по уголовному делу. Следовательно, задержание инициирует субъект уголовно-процессуальных правоотношений.

Б.Т. Безлепкина поддерживает, например, Р.С. Абдрахманов, который, руководствуясь изложенной выше позицией, приходит к двум выводам [Абдрахманов, с. 20]:

- «на момент захвата правонарушителя на месте происшествия ни о каком уголовно-процессуальном задержании речи быть не может»;
- «подозреваемый как процессуальный субъект появляется гораздо позднее».

По мнению автора настоящего исследования, позиция Б. Т. Безлепкина создает «правовую неопределенность»: если лицо задерживается в административном порядке, а потом возбуждается уголовное дело, то должны ли были соблюдаться условия и основания такого «административного» задержания либо должны были соблюдаться основания и условия задержания уголовно-процессуального; с какого момента задержанное лицо считается задержанным по УПК РФ, а равно приобретает все информационные и иные права (право на защиту, право на общение с близкими родственниками и т.д.). Позиция этого автора создает широкое поле для разночтений, которое в

последние годы сужается благодаря разъяснениям высших судебных инстанций хотя бы о том, с какого момента лицо имеет право пользоваться услугами защитника: с момента фактического задержания вне зависимости от наличия возбужденного уголовного дела. В конце концов, как расценивать ситуацию, при которой лицо после фактического задержания доставлено следователю, но следователь отказывает в возбуждении уголовного дела. Ведь лицо было задержано и доставлено именно по подозрению в совершении преступления.

Наличие «правовой неопределенности» подтверждала, например, Попкова Н.В.: если после задержания лица будет отказано в возбуждении уголовного дела, протоколы выполненных следственных действий «трансформируются» в материалы проверки сообщения о преступлении. При этом отказ в возбуждении преступления, а также правовой отказ считать задержание заподозренного лица задержанным с точки зрения уголовного процесса лишает такое лицо многих законных прав, к которым можно отнести и право на реабилитацию и возмещение ущерба, причиненного незаконным задержанием [Попкова, с. 10].

Кроме того, на эту проблему обратил внимание и М. Бекетов, рассуждая еще в период действия старой редакции УПК РФ: при доставлении лица, задержание которого было осуществлено еще до возбуждения уголовного дела, следователь оказывается в сложной ситуации [Бекетов, доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»]; необходимость получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела в течение трех часов приводит к тому, что-либо следователь получит устное согласие прокурора, либо следователь такое согласие получить не сможет – однако и та, и другая ситуации нарушают требования УПК РФ [Кравчук, Кравчук, Ретюнских, с. 50].

Поддерживая позицию Б.Т. Безлепкина, А.В. Карцев предлагал различать моменты начала задержания при наличии и отсутствии возбужденного уголовного дела. Соответственно, если уголовное дело возбуждено, то задержание начинается тогда, когда права подозреваемого фактически, реально ограничиваются, т.е. происходит его физический захват. В свою очередь,

уголовного дела нет, то задержание начинается тогда, когда лицо было доставлено следователю [Карцев, доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»].

При этом в научно-практическом комментарии Е.К. Антоновича, Е.А. Артамоновой, Д.П. Великого под редактурой Л.А. Воскобитовой справедливо отмечено, что фактическое задержание возможно до возбуждения уголовного дела. Оно охватывает период с момента физического захвата до составления протокола задержания [Антонович, Артамонова, с. 912]. В то же время комментаторы отмечают, что фактическое задержание не урегулировано нормативно-правовыми актами, не охватывается сферой уголовно-процессуального регулирования, в связи с чем права «фактически» задержанного в недостаточной степени гарантированы.

В связи с этим отметим, что еще в 1986 году С.А. Шейфер предлагал регламентировать фактическое задержание в качестве процессуального действия, которое может быть осуществлено до возбуждения уголовного дела [Шейфер, с. 62].

Рассуждения Б.Т. Безлепкина, А.В. Карцева, Е.К. Антоновича, Е.А. Артамоновой, Д.П. Великого и других, фактически поддерживающих позицию о том, что уголовно-процессуальное задержание возможно только после возбуждения уголовного дела, обнаруживают своими рассуждениями логические противоречия:

— в каком статусе находится задержанное лицо и на основании каких законоположений его конституционные права на свободу и неприкосновенность личности ограничены;

— имеет ли задержанное лицо право на разъяснение ему причин и оснований задержания, право на юридическую помощь, право на соблюдение сроков, установленных процессуальным кодексом;

— а в случае прекращения уголовного преследования либо даже отказа в возбуждении уголовного дела имеет ли такое лицо право на реабилитацию за соответствующий период «фактического» задержания.

По мнению автора, действительно, полный спектр механизмов уголовного преследования возможно применить исключительно после возбуждения уголовного дела. Однако, во-первых, задержание лица возможно еще до возбуждения уголовного дела, равно как и уголовно-процессуальные отношения могут возникнуть еще до возбуждения уголовного дела. Ведь окажется совершенно неприемлемой ситуация, при которой следователь, став очевидцем преступления, вместо задержания лица, совершившего преступления, приступит к процедуре вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. В связи с этим следует признать, что все гарантии права на свободу и неприкосновенность личности возникают у задержанного лица вне зависимости от того, составлен ли протокол задержания и возбуждено ли уголовное дело. Это прямо предусматривает и УПК РФ, например в подп. «а» п. 3 ч. 3 ст. 49 предусматривая, что защитник участвует в уголовном деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Таким образом, к условиям задержания относятся:

- 1) субъектный состав (с учетом запрета какого-либо расширительного толкования круга лиц, уполномоченных на задержание по УПК РФ);
- 2) наличие необходимых признаков деяния с учетом положений статьи 22 Конституции РФ;
- 3) наличие возбужденного уголовного дела (что само по себе является дискуссионным, но без внесения изменений в УПК РФ характер дискуссионности утратить не может);
- 4) соблюдение специальных требований применения положений о задержании несовершеннолетних, лиц, обладающих специальным иммунитетом.

## 2.2. Основания задержания

Основания задержания подозреваемого предусмотрены ст. 91 УПК РФ и в том же порядке излагаются в научных и учебных трудах [Смирнов, Калиновский, доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»]. В этой части следует отметить, что положения уголовно-процессуального кодекса применительно к основаниям задержания развивались параллельно с наукой уголовного процесса и в целом отражают достижения последней.

В связи с этим представляет интерес пункт 2 постановления от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», в котором Пленум Верховного Суда РФ указывает, что заключение под стражу возможно только тогда, когда суд проверил, является или нет подозрение лица в причастности к совершённой преступлению обоснованным.

Такая обоснованность, как указывает Пленум, предполагает, что должны иметься сведения о том, что лицо причастно к совершённой преступлению. Подозрение является обоснованным, если, в частности, лицо было застигнуто в момент совершения преступления или сразу после того, как оно было совершено; на него указал потерпевший и/или очевидец; явные следы от совершённого преступления были обнаружены на лице, на его одежде, вещах либо в его жилище.

То есть перечень сведений, позволяющих суду прийти к выводу об обоснованности подозрения в причастности лица к совершению преступления, совпадает с перечнем оснований задержания лица, подозреваемого в совершении преступления по части 1 статьи 91 УПК РФ. Пленум особо отмечает, что суд при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица.

Особое значение имеет использованная Пленумом формулировка: обоснованность подозрения в причастности лица к совершению преступления.

Именно обоснованность подозрения должно установить уполномоченное лицо в целях применения задержания как меры процессуального принуждения. Обоснованность подозрения является по своей сути стандартом доказывания причастности лица к совершению преступления.

По мнению Л.Г. Татьяниной и К.Г. Бычковой подозрение представляет собой даже не оценку фактических обстоятельств, а действия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, цель которых – установить, причастно или нет лицо к преступлению, когда есть предположение о том, что это лицо принимало участие в его совершении [Татьянина, Бычкова, с. 22].

Обоснованность подозрения является первоначальным элементом по отношению к применяемым впоследствии процессуальным мерам, ограничивающим права граждан: задержание в порядке статьи 91 УПК РФ, избрание меры пресечения до предъявления обвинения, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица и уведомление о подозрении. В связи с этим, например, О.П. Грибунов и В.Г. Степанова предлагают нормативно закрепить понятие «подозрение» в Уголовно-процессуальном кодексе [Грибунов, Степанова, с. 13-18].

При этом автор настоящей работы особо отмечает, что подозрение фактически является началом уголовного преследования в отношении конкретного лица. И если на этапе задержание должна быть доказана лишь обоснованность подозрения в целях ограничения конституционных прав гражданина, то при разрешении вопроса о привлечении к уголовной ответственности применяется более строгий, даже самый строгий стандарт доказывания – вне всяких разумных сомнений. Но применение и последнего, и первого стандартов доказывания имеют свою проблематику.

Отсутствие нормативного закрепления категории «подозрение» позволяет перейти непосредственно к анализу практики судов по определению значения этой категории.



Конституционный Суд РФ в постановлении от 16.06.2009 № 9-П указал, что меры, подразумевающие лишение гражданина свободы, «должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции РФ и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы».

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ в отношении института задержания такие критерии правомерности, то есть критерии обоснованного и разумного подозрения, установлены статьей 91 и соответственно являются основаниями задержания.

Статья 91 УПК РФ устанавливает наличие двух групп оснований задержания. Первая группа оснований предполагает допустимость задержания в любом случае при наличии одного из перечисленных оснований. К таким основаниям относятся:

- 1) лицо застигнуто при совершении преступления. Это обстоятельство подтверждается показаниями свидетелей, протоколами допроса;
- 2) лицо застигнуто непосредственно после совершения преступления. Это обстоятельство является схожим по отношению к вышеуказанному;
- 3) потерпевшие или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление. Это обстоятельство подтверждается протоколами допросов по результатам опознания, а также протоколом опознания;
- 4) когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления. Указанное подтверждается протоколами личного обыска, заключениями судебных экспертиз, протоколами осмотра места происшествия, протоколами выемки и обыска.

Вторая группа оснований является более сложно структурированной и предполагает наличие одновременно двух оснований:

1) иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления;

в случае если:

1) это лицо пыталось скрыться. В данном случае доказательства являются более узкими: ответы транспортных компаний о приобретении лицом билетов, протоколы допросов соседей и иных лиц, приобретение лицом имущества в другом государстве;

2) не имеет постоянного места жительства. Это подтверждается ответами на запросы от адресных бюро;

3) не установлена личность лица;

4) если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Таким образом, именно этот перечень фактических составов закреплен законодателем в качестве критериев обоснованного или же разумного подозрения. Обоснованное и разумное подозрение является предположением, презумпцией, влекущей запуск уголовно-процессуальных механизмов, применение уголовно-процессуальных мер, ограничивающих свободу личности. В итоге обоснованное и разумное подозрение в течение уголовного судопроизводства постепенно развивается в обвинение либо исчерпывает себя, что влечет освобождение подозреваемого.

Развивая идею соотношения обоснованности и разумности подозрения Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 постановления от 10 октября 2003 г. № 5 указал, что «наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста», однако «такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей».

На практике, к сожалению, отражение оснований задержания в протоколе задержания может не иметь должной содержательности.

К примеру, в апелляционном постановлении Московского городского суда от 25.11.2021 № 10-23739/2021 указано, что «Суд апелляционной инстанции не может согласиться с доводами защитника о том, что Кондрат А.В. задержан незаконно, т.к. указанные в протоколе задержания основания не предусмотрены Уголовно-процессуального кодекса РФ, поскольку в указанном протоколе дословно приведено содержание ст. 91 УПК РФ, что нельзя признать нарушением действующего законодательства».

Отдельно отметим, что институт оснований, представляющих собой систематизированный перечень критериев обоснованного и разумного подозрения, сформировался исторически. Вероятно, историческое формирование российского уголовно-процессуального закона произошло под влиянием французского Кодекса уголовного следствия 1808 года, отразившего более ранний средневековый институт «*in flagranti*».

И в связи с этим становится ясно, почему Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части оснований задержания практически дословно воспроизводит положения Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики от 1958 года.

### 2.3. Порядок и процедура задержания

«Уголовно-процессуальное задержание представляет собой продолжительный процесс, к основным элементам которого относятся фактическое лишение свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ), доставление подозреваемого к должностному лицу или в орган, правомочному на применение данной меры процессуального принуждения (часть 1 статьи 92 УПК РФ) и составление протокола уполномоченным на то субъектом уголовно-процессуальной деятельности (ч. 1 ст. 91, ч. 1 ст. 92 УПК РФ)» - указано в определении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2020 № 88-6540/2020.

Внешне задержание действительно выглядит именно так, как указал Суд. В то же время, процесс задержания сопровождается необходимостью выполнения ряда мероприятий, гарантирующих как выполнение следственных целей, так и защиту прав и свобод задержанного лица. Указанные Судом элементы процесса задержания, среди прочего, включают следующие обязательные мероприятия:

— фактическое задержание допускается при наличии условий и оснований, установленных статьей 91 УПК РФ, с целью последующего процессуального задержания;

— в срок не более 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 УПК РФ;

— в протоколе задержания должны быть указаны дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания;

— в срок не позднее 3 часов с момента доставления подозреваемого он имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, о чем делается отметка в протоколе задержания;

— в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде о произведенном задержании;

— в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить о произведенном задержании органу общественной наблюдательной комиссии в случае наличия у подозреваемого статуса члена общественной наблюдательной комиссии, адвокатской палате субъекта Российской Федерации в случае наличия у подозреваемого статуса адвоката, посольству либо консульству в случае наличия у подозреваемого гражданства либо подданства другого государства;

— не позднее 24 часов с момента фактического задержания подозреваемый, задержанный в порядке статьи 91 УПК РФ, должен быть допрошен;

— по истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении него не избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо если суд не продлил срок задержания. Если же вопрос об избрании меры пресечения рассмотрен ранее этого срока и судом отказано в избрании меры в виде заключения под стражу, то подозреваемый подлежит освобождению ранее истечения 48 часов (абзац 3 пункта 13 постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»).

Анализ правоприменительной практики показал, что в некоторых случаях суды не признают существенными нарушения отдельных из вышеперечисленных мероприятий. Так, в ходе мониторинга были выявлены

дела, в рамках рассмотрения которых суды склонны считать несущественными такие процессуальные нарушения порядка задержания, как, например, несвоевременное составление протокола задержания. В деле, рассмотренном Мурманским областным судом было отмечено, что составление протокола задержания подозреваемого «спустя длительное время после ее фактического задержания» не препятствует разрешению вопроса об избрании обвиняемой меры пресечения. В другом деле Санкт-Петербургским городским судом было указано, что допрос подозреваемого с нарушением срока, предусмотренного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, «не является безусловным основанием для признания протокола допроса недопустимым доказательством». В контексте рассмотрения нарушений порядка задержания, необходимо обратить внимание, что даже замечания, изложенные в протоколе задержания, «сами по себе не свидетельствуют о наличии существенных нарушений уголовно-процессуального закона», влияющих на правовую оценку законности данной меры процессуального принуждения. Указанные выводы также подтверждаются практикой других судов (см., например, Апелляционное определение Псковского областного суда по делу №22К-337/2021).

Кроме того, по вопросу признания недопустимым доказательством протокола допроса обратимся к позиции Санкт-Петербургского городского суда, выраженной в апелляционном определении от 08.05.2018 по делу № 22-3119/2018. Суд указал, что сам по себе факт того, что протокол составлен в нарушение требований ч. 2 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой, допрос подозреваемого должен быть произведен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания, подозреваемый был допрошен более чем через 24 часа с момента его задержания, не может являться основанием для отмены решения суда первой инстанции. Суд, исследовав материалы дела отметил, что протокол допроса в качестве подозреваемого составлен уполномоченным лицом - следователем в пределах ее компетенции, с участием переводчика и защитника, содержит подписи участвующих лиц, подозреваемому разъяснены его права,

предусмотренные ст. 46 Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 51 Конституции Российской Федерации, а также п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, что подтверждается подписями подозреваемого в данном протоколе, и сомнений в своей достоверности у суда первой инстанции верно не вызвало.

Таким образом, судами при исследовании протоколов допросов, совершенных по результатам задержаний, исследуются не только и не столько вопросы формальных нарушений в сроках составления документов, а нарушения, которые реально затрагивают права и охраняемые законом интересы лиц, привлекаемых в качестве подозреваемых по уголовным делам.

Также автор настоящей работы особо отмечает, что требование об обязательном освобождении подозреваемого не связано конкретным временным промежутком (по истечении 48 часов), а действует на протяжении всего периода ограничения прав гражданина. Немедленному освобождению гражданин подлежит, если подозрение в совершении преступления не подтвердилось, если основания применения меры в виде заключения под стражу отсутствуют, если задержание произведено с нарушением требований статьи 91 УПК РФ.

Иными словами, на органы предварительного расследования возложена не только функция уголовного преследования подозреваемых в совершении преступления, но и функция, или же полномочие, а равно обязанность защищать права и свободы лиц от незаконного уголовного преследования.

Стоит отметить обязательную необходимость разъяснения задержанному его прав, установленных законодательством Российской Федерации. Например, определением Мурманского областного суда от 07.10.2020 по делу № 22-1118/2020 протокол задержания был исключен из первоначального приговора суда в связи с тем, что на момент проведения оперативно-розыскного мероприятия подсудимый фактически был задержан и находился в отделе полиции, то есть находился в статусе подозреваемого, а, следовательно, был наделен определенными ст. 46 УПК РФ правами, не допускающими какого-либо ограничения.

Вместе с тем подсудимому перед проводимым «опросом» не разъяснялись его процессуальные права, в том числе право на защиту, он не был предупрежден, что сказанное им может быть использовано в качестве доказательств по делу, в том числе и в случае последующего отказа от показаний.

Таким образом, в целях обеспечения законности в уголовном процессе необходимым является полное соблюдение прав лиц, являющихся участниками уголовного процесса. В ином случае судом могут быть признаны незаконными доказательства, полученные с нарушением законодательства Российской Федерации, в том числе протокол задержания, что может в конечном итоге повлиять на вынесение правосудного приговора по делу.

Помимо вышеизложенных требований отметим, что порядок задержания регламентирован не только статьей 92, но и статьями 46, 423, 449 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В рамках вышеизложенного отметим, что в теории уголовного процесса актуальными являются проблемы доказательственного значения протокола задержания [Тарасов, с. 63-67], действия иммунитета определенных категорий лиц от задержания [Халиулин, Решетова, с. 35-39], обеспечения доступа защитника к задержанному лицу [Сафонова, с. 59-63], обеспечения права на телефонный звонок [Курзнецова, Роор, с. 31]. Однако в целях соблюдения тематики настоящего исследования, обратимся к проблеме фактического задержания и «гражданского» задержания.

Так, следует отметить, что если составление протокола задержания, то есть процессуальное задержание, вправе проводить лишь уполномоченное уголовно-процессуальным кодексом на то лицо, то фактическое задержание и доставление может быть осуществлено и иным лицом. В связи с этим порядок задержания может иметь значительные отличия в зависимости от того, кто именно осуществляет фактическое задержание и доставление.



Наиболее ярко различия проявляются в том, как именно должен исчисляться срок задержания и в какой момент 48-часовой срок может считаться истекшим.

Основная проблема сводится к тому, включается ли время задержания и доставления в 48-часовой срок в случае, если задержание и доставление осуществлялись неуполномоченным лицом.

Всего предлагается два варианта разрешения этого вопроса:

При первом варианте предлагается исчислять срок задержания с момента доставления подозреваемого к лицу, уполномоченному на составление протокола задержания [Россинский. «Гражданское задержание»..., с. 48-51]. Однако, по мнению автора, такой вариант не исключает возможности злоупотреблений со стороны органов власти, осуществляющих задержание посредством неуполномоченного субъекта, время захвата подозреваемого которым не будет включено в 48-часовой срок задержания.

При втором варианте предлагается исчислять срок задержания с момента фактического захвата подозреваемого [Гриненко, с. 28]. Однако в таком случае вполне вероятна ситуация, при которой подозреваемый якобы был задержан «неуполномоченным лицом» за определенное время до этого, в связи с чем у уполномоченных лиц фактически не останется времени для проведения следственных действий.

Ранее автор настоящего исследования пришел к выводу, что фактический захват и доставление подозреваемого являются частью уголовно-процессуальных отношений, в связи с чем подозреваемый наделяется всеми процессуальными правами.

Однако в данном случае вопрос включения этих периодов во время задержания вызывает вопрос: неуполномоченные на задержание лица не являются субъектами уголовно-процессуальных отношений, в связи с чем вывод о возникновении в таком случае уголовно-процессуальных отношений с момента фактического захвата является, как минимум, спорным.

Спорность этого вывода основана на идее, закрепленной в части 3 статьи 55 Конституции РФ, согласно которой недопустимо произвольное вмешательство в сферу автономии личности. Круг субъектов задержания, а равно оснований возникновения уголовно-процессуальных отношений четко ограничен положениями Уголовно-процессуального кодекса: «гражданский арест» основанием возникновения уголовно-процессуальных отношений ввиду своего субъектного состава не является.

Различия субъектного состава уголовно-процессуального и внепроцессуального «гражданского» задержания подтверждается также и последствиями нарушения порядка такого задержания. Так, действия уполномоченных на уголовно-процессуальное задержание лиц в случае несоответствия требованиям, повлекшего незаконное задержание, подпадают под положения статьи 301 УК РФ. Тогда как действия неуполномоченных на задержание лиц не могут быть квалифицированы по этой статье.

Кроме того, тезис об ограничительном характере действия норм права, подразумевающих вмешательство в автономию личности, подтверждается наличием особого регулирования задержания некоторыми категориями лиц, не являющихся субъектами задержания согласно статье 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, например, в лице капитанов морского или воздушного судна.

Ввиду наличия специальных указаний на право производить уголовно-процессуальное задержание следует признать, что эти нормы являются исключением из общего правила недопустимости вмешательства в автономию личности путем произвольного вовлечения личности в уголовно-процессуальные отношения.

В таком случае остается неразрешенной проблема гарантирования свободы личности в случае ее задержания лицом, не уполномоченным на уголовно-процессуальное задержание. Если капитан морского судна может не только задержать подозреваемого, но и возбудить уголовное дело, а также уполномочен в рамках обеспечения безопасности судна изолировать лицо, то

обычный гражданин не уполномочен совершать никакие уголовно-процессуальные действия. Однако вполне реальной представляется ситуация, при которой доставление подозреваемого может занять определенный промежуток времени, что вновь актуализирует вопрос статуса задержанного лица в этот момент.

По мнению автора настоящего исследования, период времени между захватом лица в рамках «гражданского» задержания и его доставлением уполномоченным лицам в целях уголовно-процессуального задержания не подпадает под действие уголовно-процессуального кодекса и не включается в период уголовно-процессуального задержания.

Объяснить такой подход возможно, начав с понятия уголовной ответственности.

Так, по мнению таких видных исследователей как М.Д. Шаргородский [Шаргородский, с. 240], М.П. Карпушин, В.И. Курляндский [Карпушин, Курляндский, с. 21], Я.М. Брайнин [Брайнин, с. 20], уголовная ответственность представляет собой обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры государственного принуждения: меры уголовно-процессуального воздействия, а затем и наказание, назначенное судом.

Организационно обязанность понести уголовное наказание предполагает также и обязанность претерпеть задержание, будь то задержание «гражданское» или задержание в порядке статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. И если в первом случае задержание производится субъектом в отсутствие обязанности без применения специальных средств, то во втором случае задержание производится уполномоченными лицами, обладающими не только возможностями, но и средствами.

Именно в последнем заключается смысл установления максимального срока задержания и объяснение неприменения этого срока в рамках «гражданского» задержания. Государство, являясь фактически левиафаном, обладающим масштабной структурой уголовного преследования, должно быть

ограничено и поставлено в относительно равное с частным субъектом положение, чья свобода названа Конституцией Российской Федерации высшей ценностью. И помимо прямой обязанности уполномоченных лиц освободить задержанное лицо в установленных случаях, уполномоченные лица также ограничены сроком, в течение которого без решения суда они вправе ограничивать свободу – не более 48 часов.

Таким образом, срок фактического задержания, осуществленного в рамках «гражданского» задержания не входит в срок уголовно-процессуального задержания. Аналогично и установленные уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации гарантии задержанного лица не могут быть обеспечены в период фактического задержания, осуществленного в рамках «гражданского» задержания.

### **Глава 3. МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

#### **3.1. Прокурорский надзор за законностью задержания**

В предыдущей главе подробно раскрыт порядок задержания подозреваемого. В этом порядке особое внимание следует уделить тому, что в силу пункта 11 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации задержание подозреваемого допускается на срок не более 48 часов – то есть срок задержания исчисляется именно в часах. Равным образом, к примеру, также в часах исчисляется и срок, в течение которого о задержании должен быть уведомлен прокурор – в течение 12 часов с момента задержания. В свою очередь, начало течения этих сроков опосредуется обязанностью точной фиксации времени задержания в протоколе задержания.

Исчисление сроков, опосредующих процедуру задержания, ограничивающую основные права и свободы личности, именно в часах направлено на достижение единой цели защиты личности от необоснованного уголовного преследования. На этом этапе отсутствует решение суда по вопросу о наличии признаков преступления в деянии задержанного лица, а существует лишь обоснованное подозрение, на основании лишь которого недопустимо применять механизмы уголовно-процессуального принуждения в полную меру.

Провозгласив Российскую Федерацию правовым государством, положения Конституции Российской Федерации предполагают наличие системы гарантий, обеспечивающих реализацию этого концептуального принципа. Система гарантий должна включать в себя исчерпывающее нормативно-правовое регулирование механизмов охраны и защиты прав и свобод граждан, наличие разветвленной структуры органов, обеспечивающих

охрану и защиту прав и свобод граждан, построенной на принципе системы сдержек и противовесов.

Одним из основных органов власти, обеспечивающих реализацию гарантий прав и свобод граждан, является Прокуратура Российской Федерации, поскольку имеет не только правовое, но и политическое значение, поскольку своей деятельностью претворяет в жизнь основные принципы государственного устройства, закрепленные в Конституции Российской Федерации [Чейнин, с. 56].

Во втором параграфе второй главы настоящего исследования был затронут процесс отделения следствия от прокуратуры, начавшийся еще в 2007 году.

До этого момента на протяжении почти всей истории существования прокуратуры в России при различных структурных или системных реформах, включая и советский, и досоветский периоды, оставался неизменным порядок взаимодействия прокуратуры и следствия: прокуратура осуществляла надзор за законностью деятельности следствия, а также процессуальное руководство их деятельностью [Шейфер, с. 11-12].

Однако в 2007 году были внесены существенные поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а также в Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

По замечанию некоторых юристов изменения носили настолько системный характер, что их реализация привела к ситуации, когда «прокурору отводится роль пассивного наблюдателя, право надзора у него осталось, а действенных полномочий нет» [Лапин, доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»].

Другие юристы отметили, что отделение следствия от прокуратуры оставило пустым место контролирующего органа, которое было сразу же занято руководителями следственных органов: «произошло механическое лишение прокурора полномочий по процессуальному руководству и контролю

за следствием и наделение ими руководителя следственного органа» [Магомедов, с. 118].

Для оценки этих тезисов обратимся к регулированию деятельности Прокуратуры Российской Федерации в рамках надзора за предварительным расследованием, а именно за процедурой задержания.

В настоящий период деятельность Прокуратуры в рамках уголовно-процессуальных отношений регулируется, среди прочего, Законом о прокуратуре, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также другими законами, приказами, указаниями Генерального прокурора Российской Федерации.

Согласно общим положениям Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в части положений о прокурорском надзоре, в качестве предмета надзора выступает соблюдение прав и свобод, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими предварительное следствие.

Ранее статья 31 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» позволяла прокурору принять к своему производству или поручить подчиненному ему прокурору или следователю расследование любого преступления. Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ статья 31 утратила силу, что в очередной раз отражает системность процесса по обособлению надзорной функции прокуратуры, позволяющей прокурорам при осуществлении своих полномочий руководствоваться исключительно мотивами надзора, не взирая на следственную целесообразность.

В главе 4 Закона о прокуратуре отдельно указано, что предметом прокурорского надзора, среди прочего, являются: законность нахождения лиц в местах содержания задержанных; соблюдение установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных порядка и условий их содержания (статья 32 Закона о прокуратуре).

При осуществлении надзора прокурор уполномочен посещать органы и учреждения, в которых содержатся задержанные (абзац 2 части 1 статьи 33 Закона о прокуратуре), опрашивать задержанных (абзац 3), знакомиться с документами, на основании которых эти лица задержаны (абзац 4).

При этом в части 2 статьи 33 Закона о прокуратуре отдельно регламентировано уже не полномочие, а прямая обязанность прокурора немедленно освободить своим постановлением каждого в нарушение закона, подвергнутого задержанию.

В этой связи следует поддержать позицию А.Н. Артамонова. По его мнению, право на освобождение незаконного ограниченного в свободе, которым наделён прокурор, находится за пределами уголовно-процессуальных функций. Это следует из того, что деятельность прокурора регламентирована не только УПК РФ, а широким кругом нормативно-правовых актов [Артамонов, с. 73-80].

Следует отметить, что положения Закона о прокуратуре логично носят общий характер и лишь регламентируют принципиальную основу деятельности органов прокуратуры, тогда как специальное регулирование в отношении надзора за законностью задержания содержится, в частности, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

В связи с этим и статья 30 Закона о прокуратуре носит отсылочный характер и применяется вместе с положениями статьи 37 УПК РФ, а применительно к надзору за законностью задержания вместе с положениями, среди прочего, части 2 статьи 10, части 2 статьи 221 УПК РФ.



Первое по порядку изложения положение, регулирующее деятельность прокурора в рамках уголовного судопроизводства, закреплено в части 2 статьи 10 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Согласно приведенной норме, прокурор обязан немедленно освободить всякого незаконно задержанного. То есть буквально эта норма повторяет содержание части 2 статьи 33 Закона о прокуратуре, но в то же время, эта обязанность адресована не только прокурору, но и суду, и следователю, и органу дознания, и дознавателю.

В целях реализации этого полномочия прокурор согласно статье 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в ходе досудебного производства уполномочен требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при производстве дознания или предварительного следствия.

Такое регулирование основано на закреплённом в пункте 2 части 1 статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации положении о том, что назначением уголовного судопроизводства является также и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Однако и этот принцип имеет свою основу, о которой было указано в начале настоящего параграфа – этот принцип является одной из гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина, о чем указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 31.05.2022 № 1422-О.

Обеспечение реализации полномочий прокурора в части надзора за ходом предварительного расследования и задержания, в частности, происходит не только за счет права прокурора самостоятельно являться в места содержания задержанных, но и иным способом.

Этот способ закреплён в части 3 статьи 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой «о произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить

прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого».

Информирование прокурора о задержании влечет возможность исполнения обязанности прокурора проверить правомерность мотивов, условий и оснований, а также и порядка задержания конкретного лица, подробно о которых изложено в главе 2 настоящего исследования.

Однако нужно подчеркнуть, что в обязанности прокурора входит оценка того, законно или нет лицо было задержано. При этом не имеет значения факт привлечения задержанного к уголовной ответственности. Даже если уголовное дело было прекращено, прокурор должен следить за законностью задержания любого подозреваемого.

В первую очередь прокурору необходимо проверить цель задержания. Так, согласно статье 3 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» содержание подозреваемых под стражей обусловлено целями, предусмотренными УПК РФ. Однако ни действующий УПК РФ, ни уголовно-процессуальные кодексы, действовавшие в период советской власти, положения о целях задержания не содержали.

Отсутствие целей задержания в уголовно-процессуальном законе приводит к неопределенности для самого задержанного, к угнетающему воздействию на его психику, что отмечал и И.Л. Петрухин. По его мнению, задержание может стать причиной того, то задержанный признается в содеянном, равно как и к тому, что оговорит себя, чтобы быть освобождённым от задержания [Петрухин, с. 10].

В связи с этим полученные в такой обстановке показания задержанного, если они окажутся признательными, способны нарушить сразу оба назначения уголовного процесса, ведь ложные признания «могут оказать обществу двойное зло: невинный будет осужден, а виновный навсегда останется безнаказанным» [Викторский, с. 290].

Особо следует обратить внимание на утративший силу приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 18.06.1997 № 31, согласно пункту 1.8 которого прокурорам предписано «не допускать использования задержания и ареста как средства получения от подозреваемого или обвиняемого признания вины в совершении преступления».

Цель задержания непосредственно связана с мотивом, который в соответствии с частью 2 статьи 92 УПК РФ должно указывать в протоколе лицо, осуществившее задержание подозреваемого.

Однако в нарушение данного требования даже утвержденный бланк протокола задержания (приложение 28, статья 476 УПК РФ), являвшийся обязательным до вступления в силу Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ, графу для отражения мотивов не отражал.

Отсутствие сведений о мотивах задержания, которые опосредуют деятельность целеполагания, влечет невозможность оценки правомерности целей задержания, что является существенным нарушением.

В следующем регламентирующем деятельность прокуроров в рамках надзора в уголовном судопроизводстве, а именно в п. 1.4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 27 ноября 2007 г. № 189, прокурорам предписано при проверке законности задержания «в каждом случае выяснять основания и мотивы такого решения».

В ныне действующем приказе Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 ни требований проверять мотивы задержания, ни требований проверять цели задержания нет.

Помимо мотивов, прокурор обязан проверить соответствие обстоятельств задержания условиям и основаниям задержания, приведенным в статье 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Как было указано в главе 2 настоящего исследования прокурор при проверке соответствия условиям задержания обязан установить: наличие возбужденного уголовного дела; надлежащий статус субъекта, осуществившего

задержания; допустимость применения задержания в соответствии с требованиями статьи 22 Конституции Российской Федерации; соблюдение специальных требований.

Соответственно прокурор обязан также проверить наличие оснований задержания, которые перечислены в статье 91 УПК РФ. К первой группе оснований относятся: лицо застигнуто при совершении преступления; лицо застигнуто непосредственно после совершения преступления; потерпевший или очевидец указали на данное лицо как на совершившее преступление; на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления. Ко второй группе относятся иные данные, если помимо этих данных: лицо пыталось скрыться; лицо не имеет постоянного места жительства; не установлена личность лица; следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Кроме того, на прокурора также возлагается обязанность проверить порядок задержания, а именно осуществление субъектом задержания всех мероприятий, обязательных к совершению согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Применительно к механизмам проверки отметим, что согласно указанному выше приказу Генпрокуратуры России от 27.11.2007 № 189 прокурор обязан «систематически проверять обоснованность содержания лиц в камерах административно-задержанных, пресекая случаи задержания подозреваемых в совершении преступлений на основании протоколов об административных правонарушениях» (абзац 3 пункта 1.4). Аналогичное указание содержится и в абзаце 3 пункта 7 приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544.

Также стоит отметить, что если у задержанного были обнаружены какие-либо телесные повреждения, то должна быть организована проверка. Если факт

нарушения будет выявлен, то должен решаться вопрос об уголовном преследовании. То же самое касается случаев, когда были получены сведения о незаконном характере задержания, или когда стало известно о том, что следствие велось незаконными методами (абз. 2 п. 1.4 приказа Генпрокуратуры России от 27.11.2007 № 189).

При этом если абзац 4 пункта 1.4 приказа Генпрокуратуры России от 27.11.2007 № 189 предписывает прокурорам проявлять больше инициативности и практиковать «проведение проверок мест содержания задержанных в вечернее и ночное время». Тогда как абзац 4 пункта 1.7 приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 указывает на необходимость организовать «незамедлительное рассмотрение жалоб на незаконность задержания и нарушения прав задержанных», проверять «все изложенные в них доводы с изучением соответствующих материалов уголовного дела, при необходимости опрашивать заявителя», то есть надзирать не путем инициативных проверок, а путем проверки жалоб, инициированных иными лицами.

Итогом осуществления прокурорского надзора могут стать три последствия: установление законности осуществленного задержания; направление требования от органов дознания и следственных органов устранения нарушений; освободить подозреваемого в случае незаконности его задержания.

Несмотря на то, что в статье 94 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве субъектов освобождения подозреваемого указаны лишь дознаватель или следователь, прокурор также имеет полномочия по освобождению задержанного. Этот вывод следует из части 2 статьи 10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также и статьи 49 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Освобождение подозреваемого осуществляется путем вынесения постановления прокурора.

Статья 94 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержит всего 4 основания освобождения подозреваемого:

- не подтвердилось подозрение в совершении преступления. В таком случае уголовное преследование в отношении конкретного лица должно быть прекращено;

- отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. В этом случае подозрение в отношении лица не устранено и может перерасти в обвинение;

- при задержании были нарушения правила, изложенные в ст. 91 УПК РФ. Лицо после освобождения вправе получить возмещение за причинённый ему ущерб. Однако уголовное дело не прекратится, если подозрение лица в совершении преступления сохранится;

- истечение 48-часового срока задержания.

В то же время, представляется противоречивым наделение прокурора в соответствии с частью 1 статьи 21 УПК РФ функцией уголовного преследования, а именно в соответствии со статьей 37 УПК РФ полномочиями государственного обвинителя наряду с полномочиями органа, надзирающего за законностью задержания в частности и обеспечивающего реализацию гарантий недопустимости незаконного уголовного преследования в целом.

Следует предположить, что соотношение этих функций прокурора обострилось после структурного разделения прокуратуры и следствия, которое раскрыто выше.

По этому поводу В.Г. Журавлев в 50-х гг. указал на то, что обвинение как функцию нельзя рассматривать изолированно от иных прокурорских функций. Напротив, функции, которыми наделена прокуратура, тесным образом взаимосвязаны. Потому что все они так или иначе вытекают из главной, основной задачи прокуратуры по надзору за законностью [Журавлев, с. 26].

Эту точку зрения следует поддержать. Подобную позицию высказывали многие исследователи-процессуалисты, например, М.С. Строгович. По его

мнению, надзор за законностью и охрана последней находят своё выражение во всех функциях, которыми прокурор наделён. Охраняя законность, прокурор применяет различные методы и формы, среди которых, например, поддержание государственного обвинения в уголовном судопроизводстве [Строгович, с. 105].

### **3.2. Судебный контроль за законностью и обоснованностью задержания**

В предыдущем параграфе было отмечено, что как абзац 4 пункта 1.7 приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 N 544 указывает на необходимость организовать «незамедлительное рассмотрение жалоб на незаконность задержания и нарушения прав задержанных».

Право на подачу жалобы прокурору регламентировано теми же нормами, что и право на подачу жалоб в рамках судебного контроля в суд. При этом и судебный контроль, и прокурорский надзор относятся к вневедомственному контролю.

Судебный контроль за предварительным следствием был известен еще Учреждению судебных установлений 1864 года, Уставу уголовного судопроизводства 1864 года.

В советское время судебный контроль на стадии предварительного расследования был сведен к минимуму, тогда как участие судебного органа при разрешении вопроса о применении процессуальных мер принудительного характера на стадии предварительного расследования вообще не нашло отражения в законодательных актах.

Поэтому в Постановлении № 6 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1994 года «О выполнении судами Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 года N 3 «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» было предусмотрено, что:

«каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно», такая жалоба «должна приниматься судом к производству и разрешаться по



существу применительно к порядку и по основаниям, предусмотренным уголовно - процессуальным законодательством».

В настоящее время основа судебного контроля на стадии досудебного производства закреплена в статье 125 УПК РФ. Согласно этой норме к предмету обжалования относятся:

1.1) постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и

1.2) о прекращении уголовного дела,

а также решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые:

2.1) могут причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо

2.2) затруднить доступ граждан к правосудию.

Таким образом, судебный контроль на стадии досудебного производства осуществляется путем рассмотрения жалоб заинтересованных лиц, тогда как от механизма санкционирования задержания законодатель отказался.

Отметим, что действия следователя, связанные с задержанием в качестве подозреваемого в порядке ст. ст. 91, 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не могут являться предметом судебного контроля в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку законом предусмотрен иной порядок судебной проверки законности и обоснованности задержания подозреваемого, который имеет возможность оспорить данные действия следователя по мотиву необоснованности выдвинутых в отношении задержанного подозрений в судебном заседании при рассмотрении вопроса об избрании ему меры пресечения (см. Апелляционное постановление Московского городского суда по делу №10-519/2022, Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия по делу №22к-1817/2018).

Востребованность судебного контроля в стадии досудебного производства является высокой, что подтверждает статистика, публикуемая

Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, хотя отдельно она не содержит статистики по обжалованию задержания.

Так, к примеру, в 2020 году в суды общей юрисдикции поступило 107 473 жалоб в рамках обжалования по статье 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, из которых удовлетворено лишь 4 468 жалоб, тогда как 82 716 прекращены, отозваны либо возвращены. В удовлетворении 19 571 жалобы отказано.

В 2021 году в производство судов общей юрисдикции поступило 113 732 жалоб, из которых 4 533 удовлетворены, 87 859 прекращены, отозваны либо возвращены. 20 755 жалоб оставлено без удовлетворения.

Однако в практике возникает проблема с тем, каким именно образом должно происходить обжалование задержания в рамках судебного контроля.

Так, к примеру, в практике обнаружена ситуация, когда заявитель в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации отдельно от оспаривания решения о мере пресечения обжаловал действия следователя по его задержанию по подозрению в совершении преступления и в части составления протокола этого задержания.

Однако суд отказал в принятии данной жалобы к рассмотрению в связи с тем, что фактически заявитель ставил вопрос о признании протокола задержания недопустимым доказательством, а также по причине того, что доводы об обоснованности задержания уже исследовались судом первой инстанции при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения.

В связи с этим заявитель обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой признать не соответствующими, в том числе, положения статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения не позволяют обжаловать законность действий по задержанию подозреваемого.

Конституционный Суд Российской Федерации Определением от 28.12.2021 № 2734-О отказал в принятии жалобы.

Представляется, что подобная переквалификация требований заявителя (из обжалования задержания в ходатайство о признании протокола задержания недопустимым доказательством) вызвана темпоральным противоречием.

Так, в силу статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса судья проверяет законность и обоснованность обжалуемых заявителем действий в не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и иных лиц.

Однако подобное регулирование совершенно неприемлемо в условиях краткосрочности задержания, поскольку само задержание допускается на срок не более 48 часов, который хотя при этом впоследствии может быть продлен.

В связи с этим еще в 2003 году В.Ю. Мельников предлагал сократить сроки рассмотрения и разрешения жалоб на незаконное и необоснованное задержание в суде [Мельников, электронный ресурс].

Представляется, что судебный контроль в отношении законности и обоснованности задержания фактически осуществляется не в рамках статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а в рамках реализации статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Как было указано ранее, в силу статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса по истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении его не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном пунктом 3 части седьмой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса.

Иными словами, в течение 48 часов подозреваемый либо будет освобожден, либо в его отношении может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

При этом следует отметить позицию Конституционного суда Российской Федерации по вопросу превышения 48-часового срока задержания. Конституционный суд указал, что согласно Уголовно-процессуальному кодексу

Российской Федерации задержанием подозреваемого признается мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. При этом задержание представляет собой комплекс процессуальных действий и решений, включающих факт задержания подозреваемого в совершении преступления, доставление его в место нахождения следственного органа (органа дознания), составление протокола задержания, в котором указываются дата и время его составления, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания, а также делается отметка о разъяснении ему прав согласно статье 46 Уголовно-процессуального Российской Федерации; исполнение данной меры процессуального принуждения - содержание под стражей, т.е. последовательное совершение действий, на которые распространяется установленный законом срок задержания (пункты 11 и 15 статьи 5; статьи 91, 92, 94 и 95 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Вопрос же о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу по правилам статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации подлежит разрешению после определения его процессуального статуса ввиду задержания в соответствии со статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Именно в процессе рассмотрения и разрешения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд рассматривает прилагаемые к ходатайству материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Согласно части 3 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации к таким материалам также должны быть приложены и протокол задержания, и протокол допроса подозреваемого.

В качестве примера может быть приведено Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики № 22-2981/2015. Согласно тексту постановления при разрешении вопроса об избрании меры

пресечения суд первой инстанции при исследовании обоснованности ходатайства «дал надлежащую оценку протоколу задержания, указал, что задержание произведено законно и обоснованно, протокол задержания составлен в установленные сроки, кроме того, в этом же протоколе указано основание задержания: очевидцы указали на А.А.В. как на лицо, совершившее преступление».

В рамках другого дела обвиняемый в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обратился в Басманный районный суд г. Москвы с жалобой на действия должностных лиц Следственного комитета Российской Федерации, связанных с его задержанием в порядке ст. ст. 91, 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Судом первой инстанции было отказано в принятии жалобы. При рассмотрении данного дела в суде апелляционной инстанции, суд акцентировал внимание на том, что обжалуемые заявителем действия следователя не могут являться предметом судебного контроля в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку законом предусмотрен иной порядок судебной проверки законности и обоснованности задержания подозреваемого, а именно: «при рассмотрении вопроса об избрании ему меры пресечения».

Аналогичная позиция отражена в одном из судебных актов Верховного суда Республики Карелия, который при схожих обстоятельствах пришел к выводу об отсутствии предмета обжалования в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

При принятии таких решений суды в описательно-мотивировочной части указывают на то, что подобные постановления об отказе в принятии жалоб не затрудняют доступ заявителя к правосудию и не нарушают их конституционных прав.

С другой стороны, анализ практики показывает, что и в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации жалобы на незаконное и необоснованное задержание рассматриваются судами.

Так, в качестве примера можно привести Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 11 ноября 2015 г. по делу № 22-6889/2015. Согласно тексту постановления суд первой инстанции при рассмотрении жалобы указал, что «задержание произведено законно и обоснованно, в установленные сроки должностное лицо составило протокол задержания, кроме того, в этом же протоколе указано основание задержания: очевидцы указали на А. как на лицо, совершившее преступление еще 16 мая 2015».

Отдельно отметим приведенное Т.И. Хвенько исследование, в рамках которого проведено анкетирование лиц «из числа адвокатов, участвующих в качестве защитников, в ходе предварительного расследования, а также должностных лиц органов предварительного следствия и дознания» [Хвенько, с. 40-43]. Результаты анкетирования показали, что момент фактического и процессуального задержания не совпадает практически в каждом случае, однако это не рассматривается в качестве повода подачи жалобы на основании статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Таким образом, судебный контроль законности и обоснованности задержания осуществляется в двух формах: путем рассмотрения жалоб, подаваемых в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также путем оценки законности и обоснованности задержания при разрешении ходатайства об избрании подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо ходатайства о продлении срока задержания подозреваемого.

### 3.3. Иные формы обеспечения законности и обоснованности задержания

Помимо вневедомственного контроля, то есть прокурорского надзора и судебного контроля, которым соответственно посвящены два предшествующих параграфа, на стадии досудебного производства следует также выделить ведомственный контроль.

С целью тщательного и предметного исследования в качестве предмета исследования в рамках настоящего параграфа возьмем лишь ведомственный контроль, осуществляемый в рамках Следственного Комитета Российской Федерации.

Именно контроль, осуществляемый в рамках Следственного Комитета Российской Федерации, обладает наиболее выраженными принципиально отточенными основами, сформированными в течение длительного исторического реформирования правоотношений структур прокуратуры, суда и следствия, влияющих и на регулирование деятельности нынешних иных следственных подразделений и подразделений органов дознания.

В теории ведомственный контроль подразделяется соответственно на организационный и процессуальный. При этом процессуальный контроль обозначен в Федеральном законе от 28.12.2010 № 403-ФЗ в качестве основной задачи Следственного комитета Российской Федерации.

Однако законодательство не содержит дефиниции процессуального контроля, в связи с чем среди исследователей возникла дискуссия о содержании и объеме этого понятия.

Так, С.А. Минаева указывает, что «процессуальную деятельность руководителя следственного органа, направленную на обеспечение законности процессуальных решений (актов) и процессуальных действий подчиненных следователей» [Минаева, с. 123].

С.А. Табаков при этом в процессуальный контроль включает не только обеспечение законности, но и руководство следственной деятельностью, в

связи с чем определяет процессуальный контроль как уголовно-процессуальную деятельность, которая включает в себя проверку процессуальных решений с точки зрения их обоснованности и законности. Также в него предлагается включать иные действия, в частности, реализацию функций, цель которых – устранить нарушения закона, которые были выявлены [Табачков, с. 57].

Как видно, предложенное определение является достаточно широким. В свою очередь, В.П. Ашитко предлагает понимать процессуальный контроль более узко, относя к нему урегулированную законом деятельность, которая направлена на то, чтобы выявить, устранить и предупредить нарушения законности, допущенных со стороны следствия и дознания в процессе расследования преступлений [Ашитко, с. 37].

В целом возможно согласиться с С.О. Махтюком, по мнению которого ведомственный контроль шире процессуального контроля и помимо последнего включает в себя полномочия по обеспечению соблюдения дисциплины, по работе с кадрами подразделения, по обеспечению соблюдения номенклатуры дел подразделения и т.д. [Махтюк, с. 11].

Порядок осуществления процессуального контроля в структуре Следственного комитета Российской Федерации изложен в Приказе Следственного комитета РФ от 9 октября 2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации», Приказе Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 3 «Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении срока предварительного следствия, избрания и продления срока меры пресечения в виде заключения под стражу», Приказе Следственного комитета Российской Федерации от 17 октября 2014 г. № 89 «Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации».



В силу положений УПК РФ субъектами ведомственного контроля являются руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания.

Соответственно именно руководитель следственного органа является субъектом процессуального контроля, что является исторически выработанным механизмом обеспечения законности. Так, еще в период советской власти было общепринято, что на руководителя следственного органа «возложено осуществление контроля за своевременностью действий по раскрытию и предупреждению преступлений, принятие мер к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия» [Бойкова, Карпеца, с. 455].

В то же время часть 5 статьи 39 УПК РФ предусматривает возможность наделения контрольными полномочиями не только руководителей, но и их заместителей. В связи с этим Приказ Следственного комитета РФ от 17 октября 2014 г. N 89 предусматривает возможность наделения выборочными контрольными полномочиями

К полномочиям руководителя следственного органа, которые могут им применяться в отношении контроля за законностью и обоснованностью задержания: проверять материалы находящегося в производстве следователя уголовного дела; - давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, к которым теоретически, как было изложено в первой главе настоящего исследования, относится и задержание подозреваемого; давать следователю согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, допрашивать подозреваемого лично при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом указанного ходатайства; разрешать отводы заявленные следователю, а также его самоотводы; отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ.

При этом особый интерес представляет тот факт, что руководитель следственного органа, равно как и иные субъекты ведомственного контроля, не указан в перечне лиц, которым предписана обязанность немедленно освободить всякого незаконно задержанного (часть 2 статьи 10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Однако это не означает, что указанное лицо освобождено от этой обязанности, поскольку налицо вероятная законодательная ошибка – руководителю следственного органа прямо предписано обеспечивать законность деятельности следственного органа, то есть и реализацию предписаний статьи 10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Реализация приведенных выше полномочий частично регламентирована указанными выше приказами.

Так, в частности, согласно абзацу 1 пункта 1.4 Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 3 руководитель следственного органа обязан обеспечить исчисление срока задержания с момента фактического задержания.

Абзацем 2 пункта 1.16 Приказ Следственного Комитета Российской Федерации от 09.01.2017 № 2 предусмотрено, что руководитель следственного органа обязан в 10-дневный срок со дня принятия окончательного решения по делу на стадии досудебного производства или незамедлительно после принятия судебного решения реабилитирующего характера составить мотивированное заключение о законности задержания в качестве подозреваемого лица, в отношении которого принято решение о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям на стадии досудебного производства или принято судебное решение реабилитирующего характера.

Иными словами, руководитель следственного органа обязан проводить мониторинг деятельности следственного органа с целью выявления и устранения нарушений законности.

В этом плане часть исследователей обращают внимание на тот факт, что у руководителя следственного органа неизбежно возникает личный

процессуальный интерес, связанный, как минимум, с показателями эффективности работы следственного органа. Руководитель заинтересован в высоких показателях, в связи с чем для их достижения может «закрывать глаза» на нарушения законности [Божьев, Урбан, с. 81-88]. В связи с этим исследователи отмечают, что более предпочтительным является вневедомственный контроль и судебный контроль в частности.

Однако нами уже раскрыто, что судебный контроль в отношении законности и обоснованности задержания является малоэффективным ввиду отсутствия его оперативности, в связи с чем даже вероятность наличия заинтересованности руководителя следственного органа не может умалять значение ведомственного контроля, предполагающего возможность осуществления контрольных мероприятий в отношении руководителя следственного органа со стороны руководителя вышестоящего следственного органа (статья 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Более того, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в абзаце 3 пункта 3 постановления от 10.02.2009 № 1, если «лицо не согласно с постановлением прокурора или руководителя следственного органа, вынесенным в соответствии со статьей 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», то оно имеет право обратиться с жалобой в рамках судебного контроля (статья 125). При этом предметом судебного контроля будет не постановление руководителя следственного органа, а «непосредственно те действия (бездействие) и решения органов дознания, их должностных лиц или следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию».

Активное участие в ведомственном контроле со стороны задержанного предусмотрено статьей 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно положениям этой статьи жалоба подозреваемого на задержание должна быть рассмотрена в течение 3 суток со дня ее получения, тогда как в

исключительных случаях срок проверки жалобы может быть продлен до предельных 10 суток. Иными словами, вновь возникает темпоральное противоречие, при котором срок рассмотрения жалобы на незаконное и необоснованное задержание превышает максимально возможный срок задержания, из-за чего нивелирует значение активного участия подозреваемого в ведомственном контроле.

Пункт 1.26 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 3 предписывает руководителям следственных органов «уделять повышенное внимание рассмотрению в порядке статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации жалоб участников уголовного судопроизводства».

Вероятно, подобное внутреннее регулирование должно было положительно повлиять на правоприменение статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Однако бессодержательность категории «повышенное внимание», по мнению автора настоящего исследования, должна быть заменена на конкретные временные и качественные показатели. Должны быть установлены субъекты и сроки передачи жалоб подозреваемых, рассмотрения и разрешения таких жалоб, приведения во исполнение постановления в случае, если жалоба удовлетворена и постановлением действия/бездействие признано незаконными. Особенно это относится и к задержанию, максимальный срок которого составляет лишь 48 часов.

Таким образом, ведомственный контроль, подразумевающий возможность активного и пассивного участия подозреваемого, является неотъемлемой частью системы контроля, в который входит также и судебный контроль, и прокурорский надзор. Однако, так же как и прокурорский надзор, и судебный контроль, ведомственный контроль страдает отсутствием возможности оперативно рассмотреть и разрешить жалобу задержанного лица, что влечет в каждом случае невозможность активного влияния задержанного на сам факт его задержания.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В дипломной работе мной был исследован вопрос порядка задержания подозреваемого с точки зрения теории уголовного процесса и практики правоприменения этой меры процессуального принуждения.

В ходе исследования практических проблем, существующих в ходе задержаний подозреваемых, автором были обнаружены нижеследующие проблемы задержания в Российской Федерации.

1. Отсутствие должного уровня нормативного регулирования института гражданского задержания.

Ключевым вопросом в рамках этой проблемы является вопрос о том, входят ли во время уголовно-процессуального задержания захват и доставление, осуществляемые лицами, не являющимися следователями, органами дознания либо дознавателями.

Автором были исследованы теоретические исследования, посвященные институту гражданского задержания, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19.

В результате этого автор пришел к выводу, что произвольное расширение круга субъектов задержания может повлечь не только риск необоснованного применения института задержания неуполномоченными лицами, но и привлечение таких неуполномоченных лиц к уголовной ответственности.

В связи с этим, необходимо более четко регламентировать возможность и вопрос правомерности института гражданского задержания, установить круг субъектов, которые могут осуществлять гражданское задержание, а также разрешить иные процессуальные вопросы, связанные с таким задержанием.

2. Осуществление задержания без составления соответствующего протокола или неоказание времени такого задержания.

Автором было обнаружено, что следователями и дознавателями зачастую не составляются (неверно составляются) протоколы задержания, вследствие чего нарушаются права и законные интересы подозреваемых.

Вышеуказанная проблема разрешена в судебной практике. В частности, суды указывают, что необходимо выяснять, когда и при каких обстоятельствах был фактически задержан подозреваемый и производить зачёт времени содержания под стражей именно с момента фактического задержания в порядке статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

3. Возможность задержания подозреваемого без фактического возбуждения уголовного дела.

Дискуссионным вопросом в научной среде является вопрос о том, является ли безусловно обязательным наличие возбужденного уголовного дела, и возможно ли применение института задержания в случае, если уголовное дело еще не возбуждено.

По данному вопросу существует противоречивая судебная практика высших судебных инстанций Российской Федерации (Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации). Кроме того, единства мнений нет и в доктрине.

Исследовав доктринальные положения по указанной проблеме и позиции судебных органов, автор пришла к выводу, что полный спектр механизмов уголовного преследования возможно применить исключительно после возбуждения уголовного дела. Однако, во-первых, задержание лица возможно еще до возбуждения уголовного дела, равно как и уголовно-процессуальные отношения могут возникнуть еще до возбуждения уголовного дела. Ведь окажется совершенно неприемлемой ситуация, при которой следователь, став очевидцем преступления, вместо задержания лица, совершившего преступления, приступит к процедуре вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. В связи с этим следует признать, что все гарантии права на свободу и неприкосновенность личности возникают у задержанного лица вне

зависимости от того, составлен ли протокол задержания и возбуждено ли уголовное дело.

#### 4. Задержание подозреваемых в отсутствие достаточных оснований.

Подозрение фактически является началом уголовного преследования в отношении конкретного лица. На этапе задержания должна быть доказана, как минимум, обоснованность подозрения в целях ограничения конституционных прав гражданина.

Автором было установлено, что отражение оснований задержания в протоколе задержания может не иметь должной содержательности.

Автор, исследовав положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и позицию Конституционного Суда Российской Федерации, пришла к выводу, что для задержания подозреваемого должен выполняться критерий обоснованного и разумного подозрения, однако, при этом автор полагает необходимым установить более четкие рамки понятия подозрения на законодательном уровне, что, несомненно, способствует лучшей защите прав граждан России от произвольного преследования органов следствия и дознания.

#### 5. Нарушение мероприятий, непосредственно связанных с задержанием подозреваемого.

Анализ судебной практики позволил выявить основные нарушения, связанные с осуществлением мероприятий, непосредственно связанных с задержанием, которые не признаются судами существенными.

Так, например, несвоевременное составление протокола задержания не является существенным нарушением. Суды считают, что составление протокола задержания подозреваемого спустя длительное время после фактического задержания не препятствует разрешению вопроса об избрании меры пресечения.

Нарушение срока допроса также не признается судами в качестве существенного нарушения. Суды указывают, что допрос подозреваемого с нарушением срока, предусмотренного Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации, не является безусловным основанием для признания протокола допроса недопустимым доказательством.

При этом автор отмечает, что практика устанавливает в качестве существенного нарушения, влекущего исключение протокола из числа доказательств, неразъяснение прав подозреваемому в порядке статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Резюмируя вышеизложенного, автор отмечает, что в ходе выполнения целей и задач исследования, был обнаружен ряд проблем, связанных с применением задержания, как меры процессуального принуждения. Автор предоставила предложения по возможному реформированию института в этой части. В связи с чем цели и задачи исследования можно считать достигнутыми в полном объёме.



**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК****Нормативные и иные акты**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. №34. ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: по сост. на 28 апреля 2023 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: по сост. на 28 апреля 2023 г.// Консультант Плюс: справочно-правовая система.
4. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 по сост. на 29 декабря 2022 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система.
5. О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система.
6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система.
7. Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации : Приказ Следственного комитета Российской Федерации № 89 : от 17 октября 2014 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система.
8. Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 31 : от 18 июня 1997 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

9. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : Приказ Генпрокуратуры России № 544 : от 17 сентября 2021 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

10. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве : Приказ Генпрокуратуры России № 189 : от 27 ноября 2007 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

11. Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации : Приказ Следственного комитета Российской Федерации №2 : от 9 октября 2017 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система. .

12. Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении срока предварительного следствия, избрания и продления срока меры пресечения в виде заключения под стражу : Приказ Следственного комитета Российской Федерации № 3 : от 15 января 2011 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

### **Нормативные и иные акты утратившие силу**

13. Устав уголовного судопроизводства 1864 г.: утратил силу // Гарант : справочно-правовая система.

### **Научная литература**

14. Абдрахманов Р.С. Понятие уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2014. № 5. С. 18-22.

15. Аверченко А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 238 с.;

16. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса: монография. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1980. 183 с.

17. Артамонов А.Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 73 - 80.

18. Ашитко В.П. Функция контроля начальника следственного управления в уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1996. 223 с.

19. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Москва: Проспект, 2021. 640 с.

20. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя Москва: Проспект, 2009. 250 с.

21. Бекетов М. Возможно ли задержание подозреваемого до получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела? // Уголовное право. 2007. № 3. С. 39-43

22. Богацкий Ф.А. Обеспечение прав подозреваемого при производстве предварительного расследования: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: дис. ... канд. юрид.наук. Калининград, 2006. 212 с.

23. Божьев В. П., Урбан В. В. Влияние ведомственной системы оценки на эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 81-88.

24. Бойкова А.Д., Карпеца И.И.. Курс советского уголовного процесса: общая часть Москва: Юридическая литература, 1989. 455 с.

25. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. Москва: Юридическая литература, 1963. 275 с.

26. Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий : учебное пособие. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1977. 243 с.;
27. Вандышев В.В. Уголовный процесс: курс лекций. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 528 с.;
28. Викторский С.И. Русский уголовный процесс: учебное пособие. Москва: Городец, 1997. 292 с.
29. Витрук Н.В. Конституционный статус личности в СССР. Москва: Норма, 1980. 448 с..
30. Грибунов О.П., Степанова В.Г. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 13 - 18.
31. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого: монография. Москва: ЮрИнфор, 1999. 542 с.
32. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел: учебное пособие. Ташкент : ТВШ МВД СССР, 1989. 121 с.
33. Гриненко А.В. Разграничение фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2002. № 3. С. 28-32.
34. Дубинский А.Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел : учебное пособие. Киев : КВШ МВД ССР, 1987. 156 с.
35. Журавлев В.Г. Обвинение как процессуальная функция в советском уголовном и военно-уголовном процессе: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 1950. 216 с.
36. Задержание в советском уголовном судопроизводстве : монография / Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилев А. А. Москва : Академия МВД СССР, 1975. 124 с.

37. Исаева Н.П. Актуальные вопросы участия общественности в уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: ЮУрГУ, 2009. 113 с.
38. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления: монография. Москва: Юридическая литература, 1974. 163 с.
39. Карцев А.В. К вопросу о процессуальной форме и содержании института задержания лица по подозрению в совершении преступления // Уголовное судопроизводство. 2006. № 2. С 56-64
40. Качалова О.В. Как определить обоснованность подозрения при заключении лица под стражу // Уголовный процесс. 2017. № 11. С. 63-68.
41. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение: монография. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1975. 140 с.
42. Конюченко В.Е. Актуальные вопросы задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве России // Global & Regional Research. 2021. Т. 3. № 1. с. 191-195.
43. Кравчук А., Кравчук Л., Ретюнских И. Изменения в Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации внесены - проблемы остались // Российская юстиция. № 12. 2003. С.47-52.
44. Кузнецова С.И., Роор М.А. Проблемы реализации права задержанного, не владеющего русским языком, на телефонный звонок // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 2(31).
45. Лавдаренко Л.И. Определение целей и мотивов уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2015. № 12. С. 12.
46. Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я. Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе: монография. Алма-Ата : Алма-Атинское отделение ФЗО ВШ МВД СССР, 1961. 182 с.;
47. Магомедов А.Ш. Просчеты законодателя при реформировании предварительного следствия // Исторические, политические и юридические

науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (32). ч. 2. С. 118-123.

48. Махтюк С.О. Процессуальный контроль руководителя следственного органа: понятие, субъекты, принципы // Российский следователь. 2020. № 6. С. 11.

49. Мельников В.Ю. Мотивы, цели, условия задержания и его процессуальное оформление // Юристъ-Правоведъ. 2003. № 2. С. 45.

50. Минаева С.А. К вопросу процессуального контроля руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3 (27). С. 123.

51. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе: монография. Москва : Юридическая литература, 1989. 244 с.

52. Попкова Н.В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 124 с.

53. Попов К. И. Разграничение уголовно-процессуального и уголовно-правового задержания // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 154.

54. Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 214 с.

55. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1914. 362 с.

56. Россинский С.Б. «Гражданское» задержание: включать или не включать в сферу уголовно-процессуального регулирования? // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 48 - 51.

57. Россинский С.Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 134 – 145

58. Россинский С.Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 30 - 36.

59. Россинский С.Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica. 2018. № 8. с. 73.

60. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? / Азаренок Н.В., Давлетов А.А. // Российский следователь. 2018. № 5. С. 8-12.

61. Сафонова А. А. Некоторые проблемы вступления защитника в уголовное дело // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 59-63

62. Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву / Гаврилов А.Н., Ефимичев С.П., Михайлов В.А. [и др.]. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1975. 259 с.

63. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Краткий курс. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 216 с.

64. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. Москва: КНОРУС, 2008. 235 с.

65. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе: монография. Москва: Госюриздат, 1951. 173 с.

66. Сумин А.А. Задержание по подозрению в совершении преступления: некоторые правовые вопросы // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 45 - 46.

67. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 234 с.

68. Тарасов А. А. С.А. Шейфер о познавательной сущности задержания подозреваемого // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 63-67.

69. Татьяна Л.Г., Бычкова К.Г. Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83. С. 22.

70. Тогулев В.М. Задержание в системе мер процессуального принуждения: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1991. 211 с.

71. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 - 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е.К. Антонович, Е.А. Артамонова, Д.П. Великий [и др.]. Москва: Редакция «Российской газеты», 2015. 912 с.

72. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 360 с.

73. Халиулин А.Г., Решетова Н.Ю. Лишение парламентской неприкосновенности с целью осуществления уголовного преследования // Законность. 2016. № 3. С. 35-39.

74. Хвенько Т.И. Вступление защитника в уголовное дело в ходе предварительного расследования // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 40 - 43.

75. Чечин В.А. Доктринальные основания развития прокуратуры в Российской Федерации // Правовая культура. 2015. № 3. С. 56.

76. Чистякова О.И. Российское законодательство X–XX вв. Том 1. Москва: Юридическая литература, 1991. 288 с.

77. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001. С. 229 с.



78. Шамсутдинов М.М. Некоторые проблемы задержания по Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. с. 172.

79. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Москва : ВЮЗИ, 1972. 188 с.

80. Янина В.П. Российское законодательство X-XX веков. Законодательство Древней Руси. Том 1. Москва: Юридическая литература, 1984. 324 с.

### **Материалы судебной практики**

81. Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 30 июня 2015 г. по делу № 22-2981/2015 // Верховный суд Удмуртской республики : [Электронный ресурс]. URL: <http://vs.udm.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

82. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.11.2021 по делу № 10-23739/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

83. Апелляционное определение Мурманского областного суда от 07 октября 2020 г. № 22-1118/2020 // Мурманский областной суд [Электронный ресурс]. URL: <http://oblsud.mrm.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.06.2023).

84. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 11 ноября 2015 г. по делу № 22-6889/2015 // Приморский краевой суд : [Электронный ресурс]. URL: <http://kraevoy.prm.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

85. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 08 мая 2018 г. № 22-3119/2018 по делу № 1-905/2017 // Санкт-Петербургский городской суд : [Электронный ресурс]. URL: <http://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/>. (дата обращения: 08.06.2023)

86. Кассационное определение Мурманского областного суда от 09 июня 2020 г. по делу № 22-423/2020 // Мурманский областной суд [Электронный ресурс]. URL: <http://oblsud.mrm.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.06.2023).

87. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2007 по делу № 7-В07-1 // Верховный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

88. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2020 по делу № 88-6540/2020 // Девятый кассационный суд общей юрисдикции : [Электронный ресурс]. URL: <https://9kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

89. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.07.2006 № 268-О «По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Конституционный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

90. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 № 1422-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юрина Сергея Павловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10 и частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

91. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2004 по делу № 44-О04-3 // Верховный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

92. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

93. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // Конституционный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

94. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова» // Конституционный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

95. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Верховный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

96. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Верховный суд Российской Федерации :

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

97. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Верховный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

98. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.1994 № 6 «О выполнении судами Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» // Верховный суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

### **Электронные журналы и статьи**

99. Лапин С.Ю. Прокурор - следователь: революция началась // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

100. Мельников В.Ю. Судебный контроль за обоснованностью и законностью задержания подозреваемого // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

101. Рыжаков А.П. Основания и условия задержания лица по подозрению в совершении преступления. Комментарий к статье 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Консультант Плюс: справочно-правовая система.